

КОНСТАНТИН
ФРЕС

ИНКВИЗИТОР

ИЗБРАННИК
ТЬМЫ

Константин Фрес

Инквизитор: избранник Тьмы

«Литнет»

2023

Фрес К.

Инквизитор: избранник Тьмы / К. Фрес — «Литнет», 2023

— Что вам угодно? — говорю я, а слов не слышу. Вижу только его. И он, люто и ненасытно усмехаясь, уже рядом со мной... — Вас, — говорит он. — Я хочу вас. — Что, простите?... — ошарашенно бормочу я. Он не отвечает. Вместо слов он склоняется, берет мою руку, висящую, как плеть, и запечатлевает горячий поцелуй на моих пальцах. ...Он разрушил мою жизнь. Он обманул и предал меня. Он лишил меня всего. Он почти лишил меня самой жизни. Он предал и растоптал мою любовь! Для него я была лишь вещью, которая понадобилась на пять минут, которую он безжалостно искалечил и выкинул. Я не прощу того, что ты сделал со мной. Ты пожалеешь, что на свет родился, негодяй!

© Фрес К., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	54
Глава 17	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пролог

— Что вам угодно?

Я стараюсь быть холодной, строгой и отстраненной. Стою на лестнице прямо, чуть касаюсь рукой перил, и смотрю свысока на неспешно поднимающегося мужчину.

Подбородок чуть приподнят, глаза сухи, губы спокойны. Платье в полном порядке. Ни одной детали, что свидетельствовала бы о моем волнении.

Все, как меня учили.

Все же я — не просто девушка. Я герцогиня Редстоун. Моя родословная такова, что и король счел бы за честь поклониться мне. Я выше многих в этом мире. Поэтому мне полагается держаться с достоинством, особенно общаясь с мужчинами, о которых говорят — выскочки.

Кто он? Откуда появился? Как попал в высшее общество, куда ему путь закрыт?

Я не знала.

Но знала, что мне не полагается говорить с ним.

Даже смотреть в его сторону недопустимо.

Он никто; всего лишь мелкая мошка, серая точка.

Я — все. Я — солнце. Это не хвастовство и не высокомерие. Это так и есть.

Такие разные величины...

Поэтому я могу принимать какой угодно величественный и строгий вид, но это уже не изменит его отношения ко мне; я пришла сюда, с ним на встречу — а это значит, что он уже властвует надо мной.

Я — его добыча.

Он уже победил. Я уже принадлежу ему.

Но все же я продолжаю свою игру, делая вид, что всего лишь удивлена его дерзостью. Не больше.

Внутри меня все кипит и дрожит, потому что тот, кто идет ко мне по лестнице, невероятно, до безумия, красив, и так же опасен!

Высок, строен, но силен. Сила в каждом движении. Золотые, пшеничного цвета волосы, чуть выющиеся, достигающие плеч. Модный фрак ладно сидит на его красивом теле, и мне хочется застонать от восхищения.

Как же хорош! Какой же породистый... самец!

Это непозволительные мысли. Стыдные.

Но я не могу с собой ничего поделать.

Я вижу его не чинным и не наряженным к празднику, а обнаженным. Неистовым и прекрасным, как античный бог войны.

Сексуальным; все его существо пропитано порочной, страстной, жадной сексуальностью.

И от него исходят флюиды, рождающие в моем мозгу вспышки неконтролируемой похоти. Тело ноет и болит в сладостном предвкушении. Я хочу его так сильно, что почти... кончаю, когда он смотрит на меня вот так.

Снизу вверх, но взгляд его властен и не предвещает ничего хорошего. Он словно раздевает меня взглядом.

Я готова отдаться ему прямо тут, на лестнице, если он прикажет. Лечь на спину и поднять колени, развести их в стороны так широко, как он скажет.

И даже не пискнуть, когда он овладеет мной.

Такая сила и властность исходит от него.

Я чувствую, как вся дрожу, а моя рука против моей воли вцепляется в перила.

Не то я просто упала бы. Силы изменили бы мне, и я рухнула бы к ногам того, кто так цинично усмехается. К тому, которому мои титулы и положение в обществе ничего не значат.

К тому, для которого я сама не значу ничего.

И все же он зачем-то назначил мне это свидание...

Я чувствую себя беспомощной и беззащитной под взглядом его льдистых глаз.

Удивительно жестоких и прекрасных. Как зимнее море, готовое забрать жизнь.

Светлые, в окружении золотистых ресниц. Как голубые бриллианты в золотой оправе.

Прекрасно и трогательно-невинно.

Но это обманчивое чувство.

Мне он кажется кровожадным монстром, готовым к прыжку чудовищем, зверем, что растерзает меня без тени жалости. Его холодные глаза обжигают взглядом, и мне кажется, что я тону в ледяной воде, что мне конец!..

Опасность, которую я ощущаю, не дает мне дышать, разум твердит — беги, спасайся, пока не поздно! Он погубит тебя! Разве ты не видишь, он порочен, как дьявол, и так же жесток. Ему безразличны твои чистота, невинность и ты сама.

Таких, как ты, он ломал и уничтожал десятками.

Просто взяв свое и отбросив прочь.

Губил безвозвратно и оставлял, цинично усмехаясь.

Но жажда, разгоревшаяся в моей крови, сладкое безумие, зовущееся любовью, удерживало меня на месте.

Я знала, что погибну, как мотылек над свечой, и жаждала этого. До боли, до отчаяние, почти до слез!

Я хотела, я надеялась — нет, не его порочной, темной, сексуальной страсти, — а всего лишь касания. Думала, что ему хватит дерзости и смелости взять меня за руку. Это единственное, что он мог себе позволить в общении со мной.

Это единственное, что я могу ему дать.

И это единственное, что убьет меня, но я умру счастливой!

Влюблена ли я?

Если сумасшествие, охватившее все мое существо, можно назвать любовью, то да. Влюблена.

— Что вам угодно? — говорю я, а слов не слышу.

Вижу только его.

И он, люто и ненасытно усмехаясь, уже рядом со мной...

— Вас, — говорит он, и его голос многократно, как эхо, раздаётся в моей голове. — Я хочу вас.

— Что, простите?.. — ошарашенно бормочу я.

Он не отвечает.

Вместо слов он склоняется, берет мою руку, висящую, как плеть, и запечатлевает горячий поцелуй на моих пальцах. Невозможный, недопустимый!

— Что вы делаете! — я пытаюсь кричать, но из горла вырывается лишь сдавленный, задушенный шепот.

Его волосы сияют золотом. Я могу коснуться их, провести ладонью по его голове, но не смею. От него пахнет морским свежим морозным бризом, этот запах будоражит и пьянит меня.

— Что вы делаете...

Глава 1

Он переворачивает мою руку ладонью вверх и мягко, соблазнительно нежно и томно целует сначала в ладонь, глядя мне прямо в глаза опасным, пожирающим взглядом.

Потом целует в запястье, там, где так бешено колотится пульс.

Потом выше, выше, до самого сгиба локтя, оставляя цепочку теплых влажных поцелуев. Он принюхивается к аромату моей кожи, словно голодный хищный зверь, готовый вырвать из моего тела кусок... Неприкрытое порочное, сексуальное желание; хищная жажда обладать, взять, растерзать тотчас же.

От каждого его прикосновения меня словно бьет молнией, я вздрагиваю, умираю с каждым поцелуем и вновь рождаюсь.

— Как вы смеете, — шепчу я, и он цинично усмехается. Его руки обвивают мою талию, что совсем уж недопустимо. Если нас увидят...

Я понимаю, что отцу проще застрелить меня, чем вынести этот позор, мое грехопадение, но двинуться не могу. Не могу противиться его гнетущей властности! Не могу сбросить со своего тела его руки, не могу высвободиться от его объятий!

Он прижимает меня к себе, к своему жесткому, сильному телу. Его дыхание учащается от возбуждения, тонкие ноздри хищно дрожат. Его широкая ладонь по-хозяйски скользит по моей груди, по моей подрагивающей шее.

— Не трогайте! — еле слышно протестую я, и он сжимает мое лицо, крепко, болезненно.

— Ты — моя, — жестко и безапелляционно говорит он. Это так не вяжется с его нежными, полными чувственного наслаждения прикосновениями! У меня ноги дрожат, я держусь из последних сил, стараясь не выказать, как я боюсь его. Боюсь, умираю от страха, как кролик перед удавом. — И это не обсуждается. Я так хочу. Я так решил. В тот самый миг, когда увидел тебя, я решил, что ты должна принадлежать мне.

— Если отец увидит, что вы делаете, — предпринимаю последнюю попытку защититься, — он вышвырнет нас обоих вон. Или убьет, что скорее всего. И вам не удастся получить ни гроша из моего приданого! Ни гроша!..

Он усмехается; в его светлых глазах разгораются красные искры, лицо делается циничным и порочным, как у самого Дьявола.

И это так странно притягательно, что я и выразить не могу. Покорно и обреченно затихаю в его руках, хотя он позволяет себе совсем уж немыслимое.

Он запускает свою ладонь в мой корсаж, стискивает грудь, мнет меж пальцев чувствительный сосок, так долго, так умело, что я не сдерживаю жалкого стога.

— Мне не нужны твои деньги, — грубо говорит он, встряхивая меня, словно куклу. — Я не знатен, я — никто в вашем кругу. Но я богат; и твое золото не играет для меня никакой роли. Мне оно не нужно. Мне нужна ты. Только ты. Ты — моя цель. Ты — мое вожаемое сокровище.

Он грубым рывком вытряхивает мою грудь из платья, обнажает ее. Я громко ахаю. Но это тоже не может его остановить. Даже если б я ударила его по лицу, он просто заломил бы мне руки, подавляя мой маленький бунт.

Затем, чтобы выгнуть меня дугой и впиться голодными губами в острые чувствительные соски.

Он беззастенчиво ласкает меня, хватая губами чувствительную плоть, я вскрикиваю.

Но мои стоны лишь распаляют его. Он прикусывает кожу, оставляя свои метки, красноватые следы. Он урчит, как голодный зверь, его руки терзают и мнут мое платье.

— Но... но... моя семья не допустит... пустите же! Пустите!..

Мне кажется, что я расплавилась в этой напряженной огненной смеси боли, стыда и запретного наслаждения. Протестую, а сил вырваться нет.

— Мне плевать на твою семью, — выдыхает он грубо, через силу оторвавшись от моего тела. Я трепещу в его руках, и это трепет доставляет ему ни с чем несравнимое удовольствие. Он готов слушать его вечно, касаться руками, умирять и снова рождать эту сладостную дрожь в моем теле. Чувствовать мою слабость, словно я — измученная, ослабевшая, загнанная лань. — Есть только мы с тобой. И больше никого.

— Что же делать... — шепчу я в лихорадочном полузабытии.

Он так близко.

Я ловлю губами его горячее, сбивчивое дыхание. И вместе с ним пью страстное возбуждение.

Мужчину трясет от нетерпения.

Впервые за все время, что я его вижу, он выражает свои истинные чувства — ему не терпится сделать меня своей!

И от этого сладкое ноет в животе, сердце замирает в груди. Дыхание перехватывает, я почти теряю сознание, но он вдыхает в меня жизнь, опалая мои губы своим горячим выдохом.

— Бежать, — грубо говорит он. — Сейчас же.

— Нет! — вскрикиваю я, но он властно закрывает мой протестующий рот ладонью.

— Да, — произносит он таким тоном, что становится совершенно понятно, что перечить ему нет никакой возможности! — С этого мига ты принадлежишь мне, я твой хозяин, а ты моя вещь.

Я яростно отталкиваю его ладонь, зажимающую мне рот.

— Что?! Мерзавец!

— Я такой и есть, — подтверждает он спокойно. — Ты можешь обзывать меня как угодно, это ничего не изменит. Сегодня ты станешь моей!

Это не может кончиться ничем хорошим; из глаз моих льются слезы.

Я отчетливо понимаю, что мне пришел конец. Я понимаю, что весь мой привычный мир, моя жизнь сейчас разбивается на куски, да нет — этот красивый, порочный и жестокий незнакомец просто рушит ее в угоду себе.

Уничтожает меня, вырывает из привычной среды только потому, что ему так хочется.

И это страшно; это пугает до черноты перед глазами, до слепоты.

Сердце разрывается на куски, но я, такая гордая и властная — ведь меня воспитывали быть такой! — могу лишь пищать, как беспомощный котенок.

— Я запрещаю вам так поступать со мной!..

— Я хочу тебя.

Крик рвется из моей задыхающейся груди, но мужчина снова властно притягивает меня к себе ближе, горячим ртом прижимается к моим губам, и мир разлетается вдребезги от его непередаваемо страстного поцелуя.

И я умираю от сбывшегося счастья.

Перестает существовать всё и все, и я в полуобморочном состоянии позволяю схватить себя и утащить — прочь из дома, в никуда, в пучину греха...

Глава 2

Его спутники были страшны.

Высокие, угрожающего вида люди. Встреть я их нечаянно — подумала бы, что разбойники. В лицах нет ни проблеска добра. Глаза холодны и злы.

Лицо одного украшает шрам, жуткий и рваный. Достаточно одного прикосновения магией, чтобы понять: эту отметину он схлопотал на каторге. Плеть рассекла его кожу, едва не выбила глаз и пометила его навсегда.

Он глядит на меня опасным взглядом и внезапно смеется, показывая крепкие, красивые зубы.

Лицо его преображается, становится привлекательно странной, породистой красотой.

Все ясно.

Тоже из аристократии, только преступивший закон. Возгордившийся и возомнивший себя выше всех, и поплатившийся за это.

Такие люди опаснее всего.

Но с моим похитителем меченый почтителен и даже робок, как верный пес.

Отворачивает виновато лицо, прячет глаза, заметив лишь тень неудовольствия в чертах хозяина.

Тот бесцеремонно заталкивает меня в автомобиль и усаживается рядом сам. Меченый угодливо закрывает дверцу и спешит на водительское сидение, натягивая шоферские краги и опуская на лицо очки, защищающие глаза от пыли.

Машина фырчит и пышет паром.

Зажигаются фары, лучи прорезают темноту, и я вижу впереди свое будущее — пугающий черный город, в ночи кажущийся мне незнакомым.

Сжимаю зубы, чтобы не раскричаться от волнения и страха.

Да, мне страшно.

Все происходящее кажется мне нереальным, ненастоящим, тревожным сном. От сидящего рядом мужчины веет силой, недоброй, опасной. Силой и властью.

Он высокий, широкоплечий, узкобедрый и длинноногий. Уверенный в себе, в своей силе и в своем успехе мужчина. Ни пятнышка на его безупречном лице. Здоров и силен. Каждое его движение исполнено властью и достоинством. Не испытывает ни малейшего неудобства оттого, что мне не ровня.

И, если честно, кажется, считает, что это я не ровня ему.

— Называй меня Кристоаль, — велит он высокомерно. — Кристоаль, и больше никак. Ты должна помнить, что я твой господин. Мне нужно твое полное подчинение. Это понятно?

Мне и в голову не пришло бы называть его Кристо. Или Крис. Или как-то иначе изменить его имя. Красивое и сверкающее, звучащее, как звон льда в высоком бокале.

Он смотрит на меня горящим взглядом.

Магия пресвятая, какое одержимое у него лицо!

Несмотря на свое высокомерие, он не может скрывать, что покорен мной. И я ощущаю свое превосходство хотя бы в этом.

— Ты невероятно красива! — с восторгом произносит он.

Эти слова вырываются у него против его воли.

Видно, что он и дальше хотел быть для меня сильным, высокомерным, недостижимым и отстраненным. Но со своими чувствами справиться не мог.

— Невероятно прекрасна! Ты — само солнце! Такая сила и власть! Такая горячая кровь!

Это первые слова восхищения, что я от него получила. Первое признание, первый комплимент.

Но отчего он такой странный?..

Кристобаль оказался рядом. Его руки обвили мое тело, ладонь бессовестно скользнула по горячей коже обнаженного плеча и дальше, в глубину корсажа, жадно и торопливо ощупывая грудь.

Я думала, что таким странным способом он хочет проверить мою покорность, готовность ему подчиниться. Но он не остановился. Его рука, насладившись округлостью моей груди, бессовестно скользнула вниз, к моему животу, и ниже, попыталась проникнуть меж сжатых бедер.

Туда, где так сладко и тяжело пульсирует желание.

Туда, где жарко и влажно.

Мне казалось, что этот бесстыжий жар можно ощутить даже сквозь одежду. Сквози многочисленные юбки.

— Но... — пытаюсь протестовать я, отталкивая навалившегося мужчину обеими руками. — Это недопустимо!

Страх накрывает меня с головой. Все происходящее вдруг предстает в ином свете и кажется мне грязным, порочным.

Если б он сейчас сделал мне больно!

Если б он посмел ударить, прикрикнуть!

Но он, словно ослепленный, падает на колени передо мной и покрывает поцелуями мои руки.

Высокомерный и властный, он поклоняется мне сейчас, тайно, стыдясь минутной слабости, таясь от своих людей, скрывая от них свои чувства ко мне.

Он бережно держит ладони и целует каждый палец, не скрывая своего восхищения. Даже ту ладонь, что оставила красный отпечаток на его лице, он бережно берет и целует, прикасаясь губами мягко и любовно.

И я стихаю, завороченная этим поклонением и обожанием, обращенными на меня.

— Я люблю тебя, — шепчет он, поднимая на меня взгляд своих прекрасных глаз. — Если б ты только знала, как много значишь для меня! Если б только могла понять!.. И если б только могла почувствовать, что я чувствую! Я на вершине блаженства. Ты — моя сбывшаяся мечта! Ты совершенство, ты...

От переполнявших его чувств он захлебывается, утыкается лицом в мои колени, продолжая лихорадочно покрывать поцелуями мое тело, теперь уже ноги.

И я не могу не поверить ему.

Желание обладать мной сквозит в каждом его движении. Его трясет, как в болезненной лихорадке, он с трудом держит себя в руках. Впервые вижу, чтобы мужчину желание переполняло настолько, что он переживает его как муку. Как пытку. Сгорая в этом чувстве, корчась, как на костре.

— Что же ты творишь со мной! — шепчет он сквозь сжатые зубы. — Что творишь!

Хотя я не шевелю и пальцем, чтобы разжечь в нем пожар желания.

Не выдерживая бушующих чувств, он набрасывается на меня, опрокидывая навзничь на сидение.

Его торопливые поцелуи обжигают мои губы, щеки, глаза, и я знаю, что сейчас произойдет, но не могу противиться. Его дикая, неконтролируемая страсть передалась и мне.

Словно падшая женщина, я срываю с него одежду и не противлюсь, когда его руки проникают под мою юбку и сжимают мои бедра.

Он гибко приникает ко мне, прижимается страждущим телом к горячему местечку меж моих ног, и со стоном вздрагивает.

Он все еще борется сам с собой.

Он не хочет, чтобы это произошло здесь и сейчас. Из всех сих держится, но его влечение какое-то колдовское. Словно наваждение. Словно безумие. Словно самый сладкий грех, овладевшим им всецело.

— Прогони меня тотчас же! — шепчет он, жарко исцеловавшая мои губы. — Пожалуйста! Я не могу... сам не могу отказаться от тебя!

Говорит — и тут же зажимает мне рот сводящим с ума поцелуем, чтобы я не смогла этого сделать, потому что мой отказ кажется ему страшнее смерти...

Слишком сладким и изощренным поцелуем.

Лаская весь мой рот языком так искусно и нежно, так страстно, что из глаз моих брызжут слезы, а лоно сокращается в обжигающем удовольствии.

Я задыхаюсь, бьюсь под его навалившимся на меня телом. Магия пресвятая, я кончаю от одного поцелуя за другим! И запах моей страсти раздражает мужчину еще сильнее, срывая все запреты.

Зарывав от бессилия, понимая, что эту схватку со страстью он проиграл, он ухватывает меня за бедра крепче и придвигает к себе рывком.

— Всего лишь посмотрю, — шепчет он.

Но я, обессилевшая, уже знаю, что он лжет.

И когда его руки властно разводят мои подрагивающие колени, я не противлюсь.

Он приникает губами к моему мокрому лону, и я едва не рыдаю от смеси стыда и наслаждения.

Он вылизывает меня яростно, надавливая большим пальцем на сочащуюся соком дырочку. Он упивается моим запахом, моим желанием, моей беспомощностью и своей властью над моим телом.

— Я хочу, чтоб ты вечно желала меня, — шепчет он, жарко целуя раскрытые перед ним бедра, опалая горячим, болезненным дыханием кожу. — Хочу, чтоб всегда была такая влажная и раскрытая. Хочу, чтоб в моей памяти бы оставалась такой... навечно.

В голосе его прорезается сталь. Он хочет — и он добьется своего.

Его большой палец мягко касается какой-то точки меж моих ног, и я вскрикиваю. Потому что накачивает слишком острое, слишком невыносимое удовольствие. Все тело мое пробивает дрожь, я не могу ее унять, даже напрягаясь и вытягиваясь в струнку. Я хочу сжать колени, но он держит, неумолимо растягивает мои ноги в разные стороны, и продолжает свою беспощадную ласку.

Его палец движется неспешно, мягким кругами обводя горящее желанием местечко, и я снова вскрикиваю. Но он тотчас зажимает мне рот поцелуем, и все, что я могу — это постыдываться, беспомощно извиваясь в его руках. Сквозь эту точку в мое тело хлынул жар, в крови разгорелась настоящая буря. Мир превращается в сплошную огненную руку мучительного наслаждения, и я чувствовала себя одновременно грешницей, распятой в аду, и праведницей, вкушающей райское наслаждение.

От очередного оргазма мне кажется, что с ресниц моих сыплются белые ослепительные звезды.

Я забываю, как дышать. Я кричу, но голоса своего не слышу. Бедра мои против воли сами движутся навстречу ласкающей руке. Вцепляюсь в запястье и направляю эту руку, принуждая ее прикасаться крепче и сильнее, и пальцы толкаются в мое жадно сокращающееся лоно.

Сцена полна жадного желания и абсолютного бесстыдства...

Все мое тело выкручивают мягкие, но сильные спазмы, я вздрагиваю в руках обнимающего меня мужчины, а он целует мое дрожащее от стонов горло, постанывая от страсти.

— Что же ты сделала со мной, — шепчет он, обеими руками опускаясь туда, где пульсирует мое удовольствие. — Что сделала... что натворила...

Мое тело обжигает боль, от которой я вскрикиваю. Но вместе с ней приходит чувство абсолютной наполненности. Я чувствую себя целой, как никогда. Заполненной любовью и нежностью.

И наслаждение накатывает снова, даже сквозь боль.

Я обхватываю его за шею и в страстном порыве прикипаю к нему. Он рычит, ослепленный и оглушенный страстью и желанием, крепко стискивает мои голые бедра, и яростно толкается в мое тело.

Еще и еще.

Наполняя меня своей любовью и страстью, своим желанием. Своим безумием.

— Это не должно было произойти сейчас... — шепчет он, стирая слезы счастья с моих щек и целуя мои горящие губы.

— Но оно произошло, — отвечаю я, счастливо улыбаясь.

И он снова забывается в страсти, прикипаю к моим губам и продолжая вдавливаясь в мое тело жесткими, сильными, жадными толчками, словно боясь, что кто-то может отнять меня у него...

Глава 3

— Мы должны жениться как можно скорее!

Эти слова должна говорить испуганная произошедшим девица. Но говорит их он.

Мой Кристобаль.

Мой искуситель, мой личный палач и господин.

Его пальцы нервно прыгают, когда он помогает мне привести в порядок одежду.

Он разглаживает мое платье особенно тщательно, как будто не хочет, чтобы кто-то хотя бы заподозрил меня в грехопадении. Он поправил мои волосы, он накинул на мои плечи накидку, отороченную мехом, и сам застегнул пуговики, скрывая меня от посторонних глаз, как будто я была его самым драгоценным сокровищем.

Мотор машины слишком шумит, чтобы сидящий на водительском сидении человек что-то мог слышать. Наша страстная игра была скрыта от его глаз и ушей, и Кристобаль прижимает палец к губам — т-с-с! — дав мне знак, чтобы я не выдала себя.

— Для всех ты должна оставаться прежней, — сказал он. — Безупречной, недоступной и невинной. Чтобы никто не смел даже мыслью оскорбить тебя.

И эта странная, ревностная забота и беспокойство о свадьбе греет мое сердце.

Теперь мне ничего не страшно. Я даже чуть слышно смеюсь, но он встряхивает головой и настойчиво повторяет:

— Жениться немедленно!

Свадьба всегда представлялась мне грандиозным праздником, на который приглашено полсвета.

Мне всегда говорили, что шлейф моего свадебного платья будет длиннее, чем у королевы в день ее свадьбы. А драгоценных камней и жемчуга так много, что мне и идти-то будет тяжело.

В храме будет много цветов и много-много света, так много, что я буду сиять, как слиток золота. Самая прекрасная и самая величественная невеста из всех, что знал мир.

Это платье вполне стоило бы в качестве приданого само по себе.

И вот теперь я вдруг понимаю, что этого не будет.

А скорее всего, будет тайное и скорое венчание в первой попавшейся темной церкви, торопливое бормотание священника и чахлый букет цветов. И ярость оскорбленной моим побегом семьи. Навсегда.

Кристобаль угадывает мои мысли и отчаянно мотает головой.

— Они простят тебя, — говорит он так уверенно, что все сомнения тотчас отпадали бы у любой, даже самой напуганной девушки. — Потом. Когда увидят, что ты выбрала человека небедного и достойного. Простят.

Он хочет утешить и успокоить меня. Возможно, он и сам верит в это. И это ужасно мило и трогательно, хотя я точно знаю, что прощения мне не вымолить даже на смертном одре.

Дом, куда мы приехали, был темен и тих. Неприятное, унылое и грязное место, походившее на дешевую гостиницу. Впрочем, что я знаю о дешевых гостиницах? Ничего. Но на эту мысль меня навел дремлющий за стойкой портье и длинные темные коридоры с чередой дверей.

— Нам нужно подготовиться, — ободряюще шепчет Кристобаль, заметив мое смятение.

Да, не таким дешевым, грязным и заплеванным я себе представляла путь к счастью! А как же его разговоры о богатстве?!

— Не было времени искать что-то другое, — спешно говорит он. — Ночь на дворе. Тебя могли бы броситься искать. Погоня — это совсем не то, что мне хотелось бы пережить в эту ночь. А здесь есть и свободные номера, и искать нас тут никто не станет.

В этом есть доля правды.

Даже если б отец велел нас поймать, искать меня тут, в этом клоповнике, ему и в голову бы не пришло.

Главным образом потому, что он и не подозревает о существовании такого места.

И я стала невидимкой для его всевидящих глаз.

В темном маленьком номере все ж немного приличнее и чище.

Вместо роскошного бального платья, в котором я бежала, мне предложено было надеть простое белое, украшенное фальшивыми жемчужинами. Перламутр облупливался с них, с пуговиц, и мне вдруг стало страшно.

Я была похожа не на невесту, а на унылое привидение, не нашедшее покоя.

Тень когда-то жившей девушки.

Но Кристобаль, увидев меня, напуганную, в этом наряде, улыбается так светло, что все мои страхи тают, как снег на солнце.

— Ты самая прекрасная и самая трогательная невеста на свете! — произнес он, сжав мои ладони. — Ты волнуешься совершенно очаровательно.

— Это все так странно, — произношу я, оглядывая дешевую, некрасивую обстановку, свое грубое, нелепое платье. — Так внезапно и так...

— Не так, как ты себе представляла? — ласково произнес Кристобаль, касаясь моей щеки ладонью. — Ничего. Это все ничего! Нам нужно скрепить наш союз, чтобы ты сменила фамилию, и чтобы я смог вывезти тебя из королевства беспрепятственно. Клэр Редстоун — слишком громко. Эхо с таможни докатится в один миг до твоих родных. А я не хочу, чтоб нас разлучили в шаге от свободы. Уже завтра, на Голубых берегах, ты и думать забудешь об этом месте. А через неделю, когда все уляжется, мы сыграем настоящую свадьбу. С цветами, нарядами и гостями. Все, как ты хочешь.

Он вдруг склоняется надо мной, заглядывает в мои глаза, смотрит пристально, будто сам изумлен, что все так вышло.

— Клэр, — произнес он, пробуя на вкус мое имя. — Гордая и прекрасная Клэр... Единственное, чего я хочу это чтоб ты запомнила, навсегда сохранила в своем мозгу: ты уникальная. Правда. Ты самая прекрасная и самая... необычная. Никогда еще девушки не кружили мне голову так, как это сделала ты. Одним своим взглядом ты меня свела с ума. Настолько, что я не смог... удержаться. Это неправильно, этого делать было нельзя, я знаю. Я даже рассказываю в этом, но... ни минуты не сожалею. Я тоже на всю жизнь запомню, что ты стала моей. Что ты случилась в моей жизни. Что ты моя. И не принадлежала никому, кроме меня. И уж принадлежать не будешь.

— О чем ты говоришь...

Его странные слова пугают меня. Его глаза вспыхивают, как весенний лед на солнце, и я вдруг вижу всю эту ситуацию иначе.

Гордой Клэр Редстоун больше нет.

Есть глупая девчонка, которую неизвестные вывезли в какое-то тайное логово с непонятной целью.

Меня учили быть неприступной и гордой, но не учили не верить хитрецам.

Кристобаль, мой Кристобаль, который свел меня с ума, все так же смотрит в мои глаза. И я уже не вижу в них ни заботы, ни внимания, ни любви.

Только холодное любопытство и циничную радость оттого, что ему удалось меня обвести вокруг пальца.

Его обаяние рассеивалось, как туман под солнцем, и я поняла, что его страсть, его напор — это плод его колдовских усилий. Профессиональный оболститель, альфонс, жиголо, разодетый в дорогие одежды. Его дара хватало только на это — задурить девчонке голову и жениться на ней.

— Никогда!

Я кричу и хлещу его по лицу блеклыми дешевыми цветами, бросаю в него фату, и самодовольная издевка в его глазах сменяется страхом, а затем злостью.

Я опозорена, я уничтожена, вырвана из привычной жизни и наверняка погибну теперь, но этот мерзавец не получит того, что желает! Драться я могу до самого последнего вздоха!

Как это глупо — быть так высоко, и пасть так низко...

Простите меня все, кому я причинила боль своим необдуманным поступком. Меня немного извиняет лишь то, что я была околдована и не смогла сопротивляться. Мне и в голову не пришло, что на званом вечере в высшем обществе кто-то осмелится распустить свои нечистые чары против меня. Но...

На крики и шум драки врывается тот, второй, меченый.

Я успеваю обернуться и пустить в него проклятье, самое мощное и самое ненавистное, на какое способна. Его сбивает с ног и размазывает по стене, он плюется кровью, задыхаясь, словно на него упала тяжелая плита.

Кристобаль обхватывает меня руками, и от моих чар по ним бегут языки пламени.

Я рычу от ярости, как пойманная в ловушку львица. Боли не ощущаю; да я сейчас сама с готовностью прыгнула бы в костер, лишь бы увлечь за собой этого мерзавца.

Но меченый приходит в себя слишком быстро. После такого удара он должен валяться в отключке еще как минимум полдня, но он словно и не был бит. Крепкий; краешком вспламеняющегося сознания понимаю, что была права.

«Аристократ», — думаю я.

Его учили противостоять магии такой силы...

Но тут страшный удар обрушивается на мою голову. Такой сильный, что я не могу понять, что это — магия или банальный кулак, — и я слепну. Дух мой отлетает в черноту, в небытие, а тело прошивает острая и мучительная боль, такая сильная, что я жалею, что на свет родилась.

Глава 4

Ничего не помню. Ничего не помню.

Где я?

И как оказалась тут?

Почему так темно и тесно? Холод пробирает до костей... И отчего так трудно и тяжело дышать?

Я помню лишь драку. Наверное, для моих похитителей это было большой неожиданностью. Кроткая девочка с восторженными глазами вмиг превратилась в разъяренного опасного зверька.

Хочу рассмеяться, но не могу. Даже дышать мне удастся с трудом.

На груди возится и пищит какое-то странное существо. Не вижу его, только слышу, как оно беспомощно скулит и хнычет, трясется от холода.

Младенец?!

Через силу двигаю руками, накрываю его ладонями, ощущая под ними тепло крохотного существа. Ему тоже становится теплее, оно затихает, мелко подрагивая, и я в муке едва не рыдаю.

Откуда здесь младенец?

Это что, мой младенец?!

Я вспомнила горячую возню с Кристобалем и его неловкую попытку на мне якобы жениться. Я знаю, отчего рождаются младенцы. От этой вот страстной и горячей возни.

Ничего не помню...

Крохотное существо перестает дрожать, затихает, сладко причмокивая. Зато теперь трясется, как овечий хвост, мое сердце. Потому что я, наконец, понимаю, где я.

В гробу.

В дешевом, как моя жизнь, гробу, наспех сколоченном из грубо отесанных досок. Они все еще пахнут сосной.

Сколько же времени прошло с той ночи, когда Кристобаль вывез меня из дома?! Я успела выносить и родить малыша?! И за это Кри меня заколотил в гроб?!

Я лежу на жестких досках, еле укрытых какой-то тонкой, грубой тканью. И это крохотное существо, пригревшееся и успокоившееся на моей груди, лежит тут вместе со мной.

Нас что, собираются зарыть живьем?!

— Кончено, — дрожащим голосом произносят над гробом. — Издохли оба.

В щелях между досок я вижу свет. И голос узнаю. Это Кристобаль.

Он шмыгает носом, словно у него идет кровь, постанывает, будто ему больно.

Кри-кри! Издевательски, мелко мстя ему, обзываю его этой куцей, нелепой кличкой. Что случилось, пальчик занозил?!

— Какого черта, — ругается второй, меченый.

Он хрипит, как паровоз. Словно ему так же трудно, как и мне, дышать. — Как это могло произойти?!

— Да мне откуда знать, — огрызается Кри.

Никогда больше не стану называть его Кристобалем.

Вспоминаю его властный взгляд, его магию, подавляющую мою волю, и называю его Кри подряд несколько раз. Только стыдная кличка. Никаких человеческих имен ты не заслуживаешь.

— Но ведь она была невинна? — подозрительно произнес меченый, и я слышу, как Кри застывает в страхе. Мне кажется, обостренным слухом я слышу даже, как мурашки бегут по его

коже, и снова мысленно смеюсь, хохочу, хотя все мое тело ломает боль. Грудь словно пробита кинжалом насквозь, я даже чувствую липкую горячую кровь, но все равно продолжаю смеяться над незадачливым похитителем.

Ай, да Кри!

Вот почему он распинался напоследок!

Ему ни в коем случае нельзя было меня трогать!

И он не пытался защитить мою честь — он прятал следы своего преступления. Он боялся, что меченый ему оторвет все, что только можно, когда узнает, что Кри не устоял и взял меня.

Он меченого боялся. Вот что.

Интересно, почему он не устоял?..

Я не верила в то, что он влюбился.

Ни секунды не верила.

Особенно лежа в гробу.

Что это было, болезненное желание потешить свое самолюбие? Овладеть мной, чтоб всю жизнь помнить, какая птичка попала в его сети.

«Я тоже на всю жизнь запомню, что ты стала моей. Что ты случилась в моей жизни. Что ты моя. И не принадлежала никому, кроме меня. И уж принадлежать не будешь».

Так он сказал.

Он уже знал, что сделает со мной.

Гроб уже наверняка был припрятан, например, под кроватью в этом же странном дешевом номере третьесортной гостиницы. Он знал, что в моей жизни больше не будет никого и ничего, потому что и самой-то жизни тоже не будет. И он взял меня, чтобы всю свою жизнь греть свою душу тщеславными воспоминаниями.

О том, что та, которая могла взять весь мир, досталась только ему.

— Ты у меня спрашиваешь о ее невинности?! — возмущается Кри, и его слова звучат очень естественно. Не будь я объектом их спора, я б ему поверила. Актришка... — Ты ведь сам все проверял!

— Да, — нехотя соглашается меченый, хрипя. — Никаких ухажеров, никаких женихов, кажется, у нее не было. Черт! Откуда ж тогда она взялась на нашу голову, порченная?! Как же это ее семейка проглядела?!

«Об этом тебе лучше спросить у своего дружка! — мысленно хихикаю я. — Он провернул это прямо под твоим носом, пока ты крутил руль!»

— Может, это оттого, что она стала сопротивляться? — осторожно предположил Кри. Точнее, сделал вид, что предположил. Он-то точно знает, почему у них не вышло то, что они задумали.

— А я говорил, — желчно отозвался меченый, — что надо было не жмотиться! Не нужно было вызывать у нее подозрений! Такая жирная, такая сильная жертва! Чуток раскошелиться нам бы не помешало! Красивый отель, красивое платье! И девчонка ни о чем не заподозрила бы до самого конца! И все прошло бы как по маслу! Это ты сказал, что обаяешь ее и с тремя грошами в кармане! Самоуверенный жадный говнюк... Что, обаял?

Я горько улыбнулась. Попыталась улыбнуться. Губы тоже болели, будто мне по лицу били и били. Значит, не согласился тратиться? Уже на стадии подготовки своего мерзкого дела ты знал, что все испортишь? Что воспользуешься мной, доверчивой дурой? И потому пожалел денег, зная, что дело все равно провалится?..

...Какой же ты говнюк!..

Обещаю себе: если выживу... если выберусь из этого всего, никогда не буду такой смешной и наивной. Мое отрезвление далось мне слишком дорого. Но надолго ли? Или я вот-вот встречу свой смертный час?!

Существо на груди моей снова завожилось, заскулило, и негодяи замерли, со страхом прислушиваясь к его жалкому хныканью.

— Отчего оно не издохло?! — со страхом в голосе произнес Кри. — Почему оно живо?

— Возьми и убей его! — огрызнулся меченный.

— И не подумаю к нему прикасаться! — взвизгнул Кри.

Трусы!

Даже младенца боятся!

Моего младенца...

Существо хныкало и тыкалось мокрой мордочкой? Лицом?

Оно просило у меня защиты, тепла, пищи. А я лежала, разбитая, наполненная болью, не в силах пошевелить даже рукой, чтоб защитить это крохотное дитя...

— Затих как будто, — прислушавшись, произнес меченый. — Давай поскорее избавимся от них, пока он снова не начал скулить. Не то ни один могильщик не возьмется это закопать.

— Да брось! — гнусно хихикнул Кри. — За все заплачено! Этот забуддыга закопает и собственную бабушку живьем, если ему хорошенько заплатить.

Это. Он назвал меня «это». Как какую-то падаль. Как мусор. Как что-то грязное, гнилое, отработанное. От злости я даже на миг позабыла о боли. Я вам сейчас покажу «это»!..

Но вот сюрприз: магия моя была мертва. Не отзывалась, как рука, которую отсекли.

— Искалечили, — выдохнула я в ужасе, обеими руками прижимая к себе. — Даже это отняли! Но не бойся, малыш. Не бойся. Я с тобой. Или погибнем вместе, или спасемся. Я не оставлю тебя. Я спасу тебя!

Говорю, а голоса своего не слышу.

Его просто нет. На слова нет сил. Так как же я собираюсь спастись?

Надо собраться! Надо!

— Тихе, малыш, — беззвучно шепчу я. — Не привлекай их внимания! Дай мне отдохнуть, дай собраться с силами... И я все сделаю, чтобы тебя защитить!

Как ни странно, но это дитя меня услышало и поняло и затихло, издав слабый вздох.

— Как будто б точно издох, — радостно отметил Кри. Мерзкий, гадкий, скользкий...

— Живее давай! — злится меченый.

На улице еще холоднее, ветер задувает в щели.

Малыш на моей груди дрожит, и я нахожу в себе каплю, последнюю уцелевшую каплю магии и направляю ее на то, чтоб согреть его.

Он раскаляется, становится похож на горячий шар под моими ладонями. Стянутое судорогой тельце стало мягким, расслабленным, и я почувствовала, что и дар мой будто б возвращается ко мне.

Сама я одеревенела от холода, но изо всех сил старалась молчать.

Слышала, как они грузят гроб в скрипучую повозку. Слышала, как договариваются с могильщиком. Слышала, как тот понукает лошадь, и как повозка скрипит и стонет, унося меня в мой последний путь...

Слышала — и упрямо молчала.

Магии прибыло еще.

Совсем немного, но этого хватило, чтоб еще подогреть странного малыша. Он теперь лежал на мне, вытянувшись, прижавшись, и согревая собой меня. Спасая меня.

И я понимаю, что это единственная возможность спастись. И снова бросаю все свои утешающие силы на то, чтоб защитить младенца, успокоить и согреть его.

Хотя разум кипит от страха и велит спастись самой.

Греть себя.

Разорвать вдребезги гроб и повозку последним усилием.

Но я продолжаю поддерживать жизнь в крохотном тельце.

И оно помогает набраться сил мне.

Скоро я чувствую, что смогу встать. Смогу, наверное, и пройти несколько шагов. Совсем немного, но этого хватит, чтоб скрыться, убежать подальше от повозки. Малыш на груди кажется мне тяжелым, как камень, но у меня и мысли не рождается, что его, доверчиво прижавшегося ко мне, можно бросить.

— Только вместе, — упрямо шепчу я. И голос мой возвращается; я слышу свои слова.

Крышка гроба приколочена плохо, ненадежно. Я легко сталкиваю ее, упершись ногами.

— Только вместе!

Прижимаю к себе горячее тельце, поднимаюсь. Сначала сажусь, потом встаю на колени. От слабости меня качает, грудь горит от боли при каждом вздохе. На мне все то же платье, нелепое белое платье глупой доверчивой невесты. Хочется сорвать его с себя, но ничего другого у меня нет. Все мои вещи, платье, меховая накидка, стали добычей проходивцев.

Не голой же бежать.

В повозке темно, но я соображаю, где можно выбраться. Брезентовый тент чуть расходится, впуская свет. Я подбираюсь к прорехе и выглядываю наружу.

Темнота.

Темный спящий город, унылый пейзаж. Копыта лошади стучат по булыжникам, мостящим дорогу. Я знаю это место. Если свернет направо, значит, там будет мост.

— А он туда и свернет, — сквозь сжатые зубы бормочу я. — На кладбище!

Придерживая теплое тельце одной рукой, отрываю у платья подол, оголяя ноги. Заворачиваю в него кое-как младенца, а сама гляжу туда, за брезент. Не пропустить бы поворот...

Не пропустила.

Повозка, мерно покачиваясь, начинает вползать на мост, и я спрыгиваю на камни. Холодный ветер обхватывает мои лодыжки, но теперь мне не страшно и не холодно. Дитя, которое я спасла, отдав свою последнюю каплю магии, спасает теперь меня. Согревает и, прижимаясь, дает мне силы.

— Сейчас, — недобро шепчу я.

Я прекрасно понимаю: если просто сбегу, эти уроды могут начать на меня охотиться. Да так оно и будет. Защитить меня некому. Полиция? Это да. Но они не станут охранять меня круглосуточно. И мерзавцы доберутся до меня в считанные дни.

Поэтому надо сделать вид, что я исчезла навсегда.

Я отошла чуть дальше от повозки. На слабых, дрожащих ногах сбегала с моста и обернулась, дожидаясь, когда та вскарабкается на середину моста, в самую высшую точку.

— Малыш, помоги мне...

Магия снова наполнила мое тело, слабо, но достаточно для несильного удара.

От него у ветхой повозки отлетело колесо, и она завалилась набок, прямо на перила моста.

Гроб выкатился, с треском лопнул брезент. И мое предполагаемое последнее пристанище полетело через перила в реку, с шумным всплеском подняв тучу брызг.

Могильщик засутился.

Он не сразу совладал с испуганной лошадью, не сразу смог втащить повозку, повисшую задней осью над рекой, на мост. Но когда он кое-как справился и глянул туда, в темные воды, все, что он увидел, что качающийся на волнах гроб.

Он перевернулся, и не было заметно, что он пуст.

Возница метался по мосту, не зная, что ему делать. Но я уже не смотрела на него. Я знала, что он ни за что не признается мерзавцам, что потерял покойницу. А если и признается, пусть поищут меня в реке!

Мне же теперь нужно просто выжить. Убежать, спрятаться и выжить.

Я отошла от моста еще дальше и, наконец, перевела дух и насмелилась глянуть на тот живой комочек, что ревностно прижимала к себе и спасала.

Я была ему благодарна.

Даже если он зачат от Кри, он спас меня. Ради него, ради его маленькой жизни я нашла в себе силы бороться!

Но в моих руках был вовсе не младенец.

Это был крохотный щенок лисицы.

Огненно-рыжий лисенок.

Глава 5

— Прекрасный вечер, миледи! Позвольте помочь вам?

Оранжево-золотой свет ночных фонарей омывал сияющее здание вокзала, делая его похожим на величественный дворец.

Шумно пыхтел паровоз, часы отбивали полночь, гул людских голосов сплетался в воздухе в симфонию, деловитую и спешную.

И в этой суе и толчее маленькая хрупкая монахиня, волочащая саквояж, казалось просто образчиком женской слабости и незащитности.

У девушки были светлые, небесно-голубые, наивно распахнутые глаза и маленький розовый ротик, словно у милой кошечки.

Волосы, выбившиеся из-под ее темной монашеской косынки, были светлые, льняные, гладкие и блестящие.

Она семенила по перрону. Ее крепкие, но изящные ботинки звонко цокали каблучками, а край темного монашеского одеяния заметал за нею следы.

Монахиня была очень юная и очень милая.

Предлагающий же помощь, напротив, был огромен, толст и темен.

На нем были надеты полосатые модные штаны, однако, грязные и с вытянутыми коленками, потрепанный котелок и поношенный сюртук какого-то невнятного цвета.

Толстяк скалил некрасивые гнилые зубы в улыбке, претендующей на приветливую, и тянул волосатую ладонь с толстыми пальцами к саквояжу монахини.

— Давайте сюда ваши вещички, мисс, — сальным мерзким голосом продолжал незванный помощник. — И без глупостей.

— Спасибо, — ангельским голоском пропищала монахиня, все так же испуганно тараща голубые наивные глазки и прижимая саквояж к груди. — Но я сама...

— Давай сюда-а-а, — протянул толстяк, все так же скалясь. Он нахально пытался ограбить несчастную на глазах у всех, полагая, что наивная и стеснительная жертва не поднимет шум, испуганная.

— Благодарю-ю-ю, — протянула монахиня упрямо, посматривая на толстяка уже недобро своими милыми чистыми глазками, на дне которых закипал гнев. — Вам лучше предложить ваши услуги тем, кто в них нуждается. Я — нет.

— Тощая курица ощипанная, — все так же доброжелательно и почти нежно, как отец родной, продолжил наседать толстяк. — Давай сюда шмотки. Или я шею тебе сверну.

— Гнида толстожопая, — ангельски кротко ответила монахиня, глядя на грабителя невинным взором. — Отлезь, я сказала. Не то этот чудесный вечер закончится для тебя плачевно.

В ее руках, затянутых в кружевные черные перчатки, отчетливо щелкнул взводимый курок, и толстяк, нервно сглотнув, увидел хищное черное дуло пистолета, глядящее в его пузо.

Продев тонкую руку в ручку своего саквояжа, целясь в грабителя, монахиня-ангелочек раздобыла где-то в кармане к превеликому удивлению толстяка хорошую такую сигару и прикусила ее белоснежными ровными зубками.

Щелчком пальцев высекла огонь, прикурила.

Пустила сизую струю дыма в лицо своего визави и рассмеялась.

Его лицо в свете фонарей на мгновение превратилось в пугающую маску, в морду, похожую на уродливое рыло летучей мыши.

— Без глупостей, гнида толстожопая, — грубо и зло процедила монахиня, пыхтя своей сигарой не хуже разводящего пары паровоза. — Не то я кишки из задницы тебе вырву и заставлю сожрать. Понял?

— Ах ты, пигалица... — угрожающе рыкнул толстый, делая шаг вперед.

Это было его роковой ошибкой.

Монахиня, лихо дымя сигарой, вдруг сделалась неуловимой, как кобра.

Никто, наверное, и глазом не успел моргнуть, и понять что-либо, как вдруг толстяк оказался лежащим на перроне, избитый и с окровавленным лицом.

А монахиня сковывала его неповоротливые руки наручниками у него за спиной.

— Презерватив для осла, — хриплым преступным голосом непристойно ругнулась монахиня, упаковывая толстого грабителя. Она нажимала на его спину хрупким коленом так ловко и сильно, что его позвоночник, просевший за много лет перетаскивания чужого тяжелого добра, с хрустом выпрямлялся, позвонки вставали на место. Толстый ревел как бык. — Я яйца тебе вырву, сварю в кипящем масле и в глотку тебе забью.

— Ой, ой, — стenal толстяк.

— Бычачья сраная жопа! Поскули мне еще!

— Больно-о-о!

— Писька чахоточного барана!

— Помогите-е-е! — скулил толстяк, извиваясь от боли и выгибаясь.

— О, да, сейчас тебе помогут!

Сквозь толпу зевак, собравшихся поглазеть на любопытное зрелище, с руганью пробились два человека. Точнее — один оборотень, зрелый интересный мужчина со смоляными волосами, а второй утонченный юноша в белоснежной сутане.

Сам белесый, как застиранный лоскут, с волнистыми белоснежными волосами и красноглазый.

— Что ж такое, — задыхаясь от быстрого бега, произнес Густав, ибо черноволосого оборотня звали именно так. — Миледи, наши извинения! Не успели вас встретить, а тут такое...

Монахиня, до того изрыгающая проклятья как демон, деловито упаковывающая грабителя, все еще пыхтела своей сигарой.

Но выражение блаженного покоя уже вернулось в ее глаза, на губах заиграла милая улыбка.

— О, никаких проблем, господа! — проворковала она нежно, глядя с любовью в лицо покрасневшего от бега и от смущения Густава. — Ничего страшного, тут дел на пару минут!

— Я всего лишь помочь хотел! — вылез из-под ее колена толстый.

На это монашка с ловкостью опытного карманника вдруг продемонстрировала ему увесистый узелок, связанный из грязноватого платка.

— Помочь, — насмешливо повторила она, — как и этим беднягам, владельцам часов и бумажников?

И она развязала узелок.

Там действительно оказались упомянутые предметы.

— Это не мое! — тотчас же нашелся толстый.

— Да брось, Мопс, — насмешливо и снисходительно произнесла монахиня. — Чьи инициалы вышиты на платке? Неужто не твои? Или мне еще поискать в твоих карманах, если тебе мало ворованных часов?

Густав pokrutil головой и только прищелкнул в полнейшем восторге языком.

— Лучший агент короля, полагаю? — меж тем вежливо осведомился молодой человек в сутане. — Клэр Редстоун? Или подлог, как в случае с Ее Величеством?

— О, нет, — нежно и беззащитно проворковала монахиня таким слабым голосом, что ей тотчас захотелось предложить руку и помочь всеми доступными способами — вот такая она

была нежная и слабая. — Никакого подлога, ваша милость. Историю королевы знают все, но это не мой случай. Я действительно лучший агент короля!

— Тогда добро пожаловать в Лонгброк! — чопорно поклонился ей альбинос.

Глава 6

Молодой человек, несмотря на свою странную особенность, был очень хорош собой.

Кроме молодости, великолепной стати, его украшала породистая, тонкая красота, не лишенная, однако, живости.

В праздничном свете вокзала на его бесцветное лицо ложились мягкие тени, подчеркивая все достоинства.

Его черты казались особенно утонченными, нос, рот — образчиками великолепного вкуса сотворившей его природы.

Алые глаза смотрели остро, внимательно, взгляд так и пылал. Волнистые белоснежные волосы его были аккуратно причесаны и прибраны так гладко, словно он тотчас вышел из парикмахерской.

На руках молодого человека, почти полностью скрытых длинными рукавами белоснежной сутаны, поблескивали серебряные перстни-когти.

Монахиня ослепительно улыбнулась молодому человеку, кокетливо строя глазки, и тот неожиданно смутился, нахмурил белесые брови.

— Ваша милость использует серебряные когти? — восторженно и нежно ворковала девушка, пыхтя своей сигарой, зажатой в ослепительно-белых, ровных зубах. — Ну и ну! Какое древнее и какое опасное оружие! А какие сильные пальцы у вашей милости! Кто б мог подумать! Рассечь накладными серебряными когтями тело врага — это, знаете, очень, очень необычно! Ловко! Сильно!

Похвалы и восторги, льющиеся непрерывным потоком, еще больше смутили молодого альбиноса, который изо всех сил старался казаться бесстрастным и спокойным.

У него даже уши запылали, а гладко выбритые щеки вспыхнули багровым румянцем. Он поспешно спрятал кисть, украшенную упомянутым оружием, скрестив руки на груди, и недобро, исподлобья, глянул на девушку.

— Не нужно много сил, чтобы пользоваться этим оружием, — недобро рыкнул он. — Я же вспарываю не столько тело, сколько магическую обол... впрочем, вы должны это знать! Зачем эти ненастоящие восторги?!

Монахиня захлопала глазами, беззащитно и мило. На ее лице выписалось самое искреннее удивление.

— Всего лишь хотела сделать вам приятное, ваша светлость, — ничуть не смущаясь от его недружелюбного тона, ответила она, глядя в глаза альбиносу, который, казалось, вот-вот закипит от раздражения. — Вы такой юный. Такой красивый. Такой милый! Такой чистенький, ну как фарфоровая балеринка на комодe!

— Я не милый, — сердито прорычал молодой альбинос, шумно сопя. Сравнение с хрупкой балеринкой оскорбило его. Он даже одернул полу своей белой сутаны, словно порывался ее снять, смущенный. Но почти сразу же одумался и снова принял чинный, спокойный вид.

Сладкая лесть не нравилась молодому человеку. Это было видно невооруженным взглядом.

Но монахиня продолжала испытывать его терпение, нарочно дразня щенячьим преданным взглядом.

— Вы курите? — неприязненно и осуждающе спросил альбинос.

Монахиня захлопала пушистыми ресницами так невинно и трогательно, что несчастного альбиноса просто передернуло от отвращения.

— Что вы, ваша милость! — с придыханием протянула она, поспешно вытащив изо рта сигару. — Это вовсе не табак, это свернутые листья мяты, мелиссы, ивы и повилики! Это для

того, чтоб видеть истинное лицо оборотней, ваша милость! Я, разумеется, не курю! Фу, какая вредная привычка!

Все это монахиня говорила таким тоном, будто изо всех сил хотела понравиться альбиносу.

Будто хотела с визгом повеситься ему на шею, глядя в его бесстрастное лицо влюбленными глазами, и щебетать милые глупости до тех пор, пока у него мозг не испечется, или кровь не польется из ушей.

Вот мучение-то!

Тот скорчил унылую физиономию.

— Лучше б курила, — проворчал он несчастным голосом.

— Закурить? — изумленно переспросила монахиня. Ее глаза снова стали удивленными-удивленными. Яркий ротик округлился, стал похож на идеальную букву «о». И она тотчас поспешила понравиться гневающемуся юноше: — Если вам нравятся курящие девушки, я тоже буду курить! Я ради вас на все готова! Милейший! Как вас? Густав? У вас не найдется хорошей сигары? Сигареты? Ну, хотя б папиросы? Хотя бы самокрутки с махоркой?

— Мне не нравятся курящие девушки! — яростно прорычал альбинос, прерывая бесконечный поток ее глупостей. Его лицо цветом могло посоперничать со свеклой.

Монахиня смолкла, глядя на альбиноса влюбленными глазами. Но в ее невинной улыбке что-то такое было, что-то жесткое.

Словно она нарочно задразнила альбиноса до бешенства и теперь наслаждается тем, как он бесится.

Меж тем на перроне явно что-то происходило.

Прибывшие пассажиры как-то резко исчезли, а вместо них появились служащие в строгой темной форме с двумя рядками серебряных пуговиц, идеально сидящей на их стройных, тренированных телах.

Пара из них попала в облако дыма, истекающего из затухающей сигары монахини, и она, проводив их взглядом, отметила про себя, что это были волки-оборотни, крупные и молодые.

Командовало ими неугомонный Густав.

Он сновал меж служащими, раздавая приказы если не словами, то жестами, а то и просто взглядами. Под его чутким руководством утащили прочь упирающегося толстяка, вздумавшего ограбить монашку, разогнали зевак и освободили перрон полностью.

— Полагаю, Его Величество прибыл, — сказал альбинос, наблюдая, как оборотни выстраиваются цепью, отрезая перрон от рабочих вокзала и пассажиров.

Улыбка тотчас сползла с лица монашки, смеющиеся наивные глаза вмиг стали стальными, холодными, пугающе внимательными. Она молниеносно обернулась к молодому человеку.

— Откуда вы знаете? — выдохнула она резко, с неподдельным изумлением, и альбинос усмехнулся, торжествуя. — Это государственная тайна, это нельзя разглашать!..

— Вот и помолчите, раз тайна, — неприязненно проговорил альбинос, неуважительно перебив девушку. — Но вообще-то, я говорил о своем отце, а не о Генрихе. Так что о своей государственной тайне кричите на весь вокзал именно вы.

Ему удалось, наконец-то, стереть ядовито-сладкое, льстивое выражение с лица девушки. И это была своеобразная победа, которую он праздновал, поглядывая сверху вниз, с выражением высокомерного превосходства.

На хорошеньком личике монахини выписалось выражение досады и стыда, такие живые и настоящие, что альбинос сменил гнев на милость.

— Тристан Пилигрим, младший Зимородок, — снисходительно подсказал он. — Его Величество Король Тьмы. Она ест у него из рук. Это тоже государственная тайна, но в королевстве чертова туча провидцев, так что об этом знают все.

— Зимородок! — тут же воскликнула монахиня, сделавшись снова сладкой, наивной и милой до тошноты. — Легендарный Зимородок! Ну, надо же! Мне стоило бы догадаться!

— Да уж стоило бы, — проворчал молодой человек.

— Ой, а как он выглядит? Как выглядит легенда?

Молодой человек недобро покосился на восторженно попискивающую девушку:

— Примерно, как я, — напыжившись, небрежно и вместе с тем важно, ответил он. — Один в один.

Было видно, что молодой человек гордится таким громким родством и тем, что очень похож на отца, пусть даже эта похожесть и выражается в нездоровой белизне.

Тот, о ком говорили молодые люди на перроне, уже неспешно шел по вагону, помахивая изящной тросточкой.

Он был одет в хорошо пошитый, ладно сидящий на нем костюм, причесан и набрызган хорошим одеколоном.

Рядом с ним, блестя мехом в светлых квадратах ночного освещения, падающего из окон, бежал белоснежный пес.

В темном роскошном купе его уже ждал высокопоставленный гость. Свет вокзала был погашен приспущенными на окно шторами, электричество едва разгоняло полумрак.

Тристан, войдя в королевское купе, аккуратно поддернув штанины, опустился в кресло, и его белоснежный пес послушно улегся у его ног.

Из полумрака на инквизитора глянули знакомые синие глаза, блеснула острозубая улыбка. В роскошном кресле чуть шевельнулся тот, на встречу с которым Тристан явился лично — король-вампир Генрих.

— Приветствую вас, Ваше Величество, — церемонно склонил беловолосую голову Тристан.

— И вам здравствовать, Ваша Светлость и Ваше Темнейшество, — произнес король с веселой улыбкой. — Какой у вас прекрасный пес!

— Подарок оборотней, — кратко пояснил Тристан. — Моей личной гвардии. Они понимают толк в животных. Но давайте сразу к делу, — мягко проговорил он, в своем излюбленном жесте соединяя перед собой кончики длинных белоснежных пальцев. — Право же, любопытно, что это за королевская тайна такая, которую вы, Генрих, мне привезли лично, не доверив никому, ни лучшим агентам, ни инквизиторам?

Генрих нахмурился, улыбка сползла с его красивого лица. Он потер переносицу, над которой залегла глубокая морщина, такая чуждая, такая странная на его молодом лице, и без обиняков произнес:

— Королева, моя Анжелика, угасает.

Глава 7

Тристан не произнес ни звука, но в полумраке было слышно, как он шевельнулся — словно хотел кинуться на невидимого врага.

— Простите? — осторожно произнес он, наконец. — Ее Величество?.. Но я видел ее не далее, чем на прошлой неделе. Она была весела, свежа и молода...

Генрих снова рассмеялся, расправил плечи, и уселся чуть свободнее, расслабленнее.

Высказав свое главное опасение, свою боль, что он таил ото всех, он вздохнул так, словно ему, наконец-то, стало хватать воздуха, чтоб надышаться.

— Тристан, Тристан, — посмеиваясь, произнес он, потянувшись к столику, на котором стояло серебряное ведро со льдом, в котором охлаждалось шампанское. — Тот, кто живет долго, иногда забывает, что человек смертен. Выпьем? Ты не против?

— Как скажете, Ваше Величество, — настороженно и вместе с тем послушно ответил Тристан, и Генрих, качнув головой, словно отгоняя от себя дурные мысли, откупорил бутылку.

— Давай без официоза, — устало попросил он. — Так, как мы говорили в тот год, когда ты был просто священником, а я — просто Ловцом сбежавших невест. Тогда мне было очень комфортно рядом с тобой. Я ощущал в тебе родственную кровь, поддержку и твердую руку, готовую поддержать меня. Мне и сейчас это необходимо.

— Так что произошло с королевой? — взял бокал, наполненный золотистой шипящей жидкостью, переспросил встревоженный Тристан.

Генрих пригубил шампанское, облизнул лаково-красные губы.

Бессмертный вампир, он не постарел ни на день, не утратил своей юношеской красоты и свежести.

Его шелковые волосы были все такими же иссиня-черными и блестящими, как прежде. Глаза под черными ресницами — синими и глубокими, мечтательными и чарующими. Кожа — сияюще-белая, прекрасная, как прозрачный тонкий дорогой фарфор, будто непогода и пролетающие года не касались ее.

Ему было вечно двадцать, и это могло длиться сколь угодно долго.

— Тристан, она просто постарела, — ответил Генрих, наконец. — Ей шестьдесят?.. Восемьдесят?.. Кажется, так. Ты — инквизитор, которого бояться и небеса, и Ад. Я — вампир, так уж сложилось. Мы с тобой живем долго, так долго, что позабыли, что за жизнью обычно следует смерть. А она — она всего лишь человек.

— Но...

— Тристан, я знаю каждое слово, что ты сейчас скажешь. Она все так же молода, все так же хороша собой, так же свежа и так же весела, как в первый день нашего знакомства. Да, это так. Но ее молодость, ее красоту я поддерживаю в ней искусственно. Магически. Сколько времени прошло с момента нашей свадьбы? Тридцать лет? Больше? Сорок? Пятьдесят? Я не помню. Они пролетели, как один день. Мои магические таланты не безграничны. Пройдет еще лет тридцать, в течение которых она, моя Анжелика, моя агент Энди, — тут Генрих грустно и нежно улыбнулся, — будет оставаться все такой же красивой и замечательной. Но ее человеческая природа, ее сердечко, этот маленький часовой механизм, этот хрупкий предатель, внутри нее тикает. И в один прекрасный день Анжелика просто не проснется. Красивая и молодая, она с улыбкой ляжет спать, и не вернется ко мне.

Тристан помолчал, попивая шампанское.

— Грустно, — протянул он, наконец. — Жаль. Об этом я не подумал, когда соединял вас. Да, откровенно говоря, я вообще не думал о таком конце... Но люди смертны. Это верно. И с этим ничего не сделаешь.

Генрих сверкнул жестокими глазами из полумрака.

— Ты теряешь женщин иначе, Тристан, — хрипло произнес король. — Может, в этом есть какое-то преимущество, когда разом лишаешься всех надежд. Но когда ее рука выскальзывает из твоей постепенно, каждый день отодвигаясь на волосок, и ты не можешь это изменить...

Генрих замолчал и шумно, тяжело вздохнул.

Затем одним решительным жестом вынул из внутреннего кармана своего щегольского пальто плотный конверт с гербовой печатью и выложил его перед Тристаном.

— Что это такое? — насторожился Тристан, рассматривая королевскую подпись на дорожной бумаге.

— Это мое отречение, Тристан, — просто сказал Генрих. — Во всех смыслах. Я отрекаюсь от короны в твою пользу — и от природы вампира, Тристан. Помнишь, ты мне говорил, что при нужде проводишь меня по Аду до безопасного места, где я смогу сжечь в огне свою вампирскую природу? Ах, надо было сделать это раньше!.. Зато теперь не было бы так мучительно больно смотреть, как угасает Анжелика!.. Мы старились бы вместе. Люди не понимают своего счастья — жить и стариться вместе.

— Генрих! — прорычал Тристан гневно, грохнув бокалом о стол. Его алые глаза разгорелись гневом, в голосе прорезалась сталь. — Ты король! Ты не имеешь права распускать сопли! Черт тебя дери, никогда бы не подумал, что скажу о тебе это, но ты стал...

Генрих молча указал на Тристана пальцем, и тот смолк, проглотив свои грязные ругательства.

— Я все еще король, — жестко напомнил Генрих, — поэтому попрошу поуважительнее!

— Но Генрих!.. Из-за женщины, пусть даже любимой!..

— Только женщины и стоят этого, Тристан. Разве нет? Припомни-ка себя, святоша. Что ты натворил в ярости, когда дело коснулось твоей женщины? В своем горе ты позабыл о том, что твои крылья святы, и потопил город в крови.

— Да черт тебя дери, дорогой племянничек! Ты, черт бы оторвал тебе ногу, триста лет сидел на троне, ты был несколько раз женат! И эти королевы покидали этот мир, и ничего такого тебе в голову не приходило!

— Короли не вечны, Тристан. Значит, пришло мое время. А те женщины... Те королевы... Нет, они много значили для меня. Они были верными подругами и помощницами, но и только. Ни одну из них я не любил. Уважал и ценил — да. Но не любил... больше самого себя.

— Сопляк ты этакий!..

Генрих склонил черноволосую голову, молча слушая ругательства Тристана. И, когда тот, наконец, затих, тяжело дыша от возмущения, Генрих продолжил:

— Но я все-таки король. Пока еще — король. И я не могу не думать о том, кому достанется трон. Ты — мой ближайший родственник, ни у кого не возникнет ни вопросов, ни желания оспорить это тепленькое вакантное местечко у тебя. Так что освободи меня от моей вампирской природы, Твое Темнейшество. Теперь тебе не надо даже в Ад бежать. Просто сделай это; и я уйду с моей Анжеликой доживать мои дни в каком-нибудь райском уголке.

— Черта с два! — рыкнул Тристан зло. — Еще одна корона?! Я не могу сесть на твое место, я слишком занят для этого!

Тут Генрих вдруг ухмыльнулся точно так же, как Тристан, расчётливо и цинично.

— Хорошо, — покладисто произнес он. — Можешь не садиться на трон. Но у тебя есть сыновья. Двое, если я не ошибаюсь. Я упомянул их в этом письме. Наследники.

— Как будто у тебя их нет! — сердито выпалил Тристан, и Генрих лишь со смехом качнул головой.

— Тристан, Тристан... ты совсем не следишь за светскими новостями? В каком мире ты живешь?

— Нету?! Нету наследника?! Да ты с ума сошел! Час от часу не легче! А почему?!

Глава 8

Генрих выразительно посмотрел на Тристана.

— Предложить Анжелике родить ребенка, который будет вампиром? Который будет проклят с самого рождения? Мучить младенца инъекциями, чтобы он не пожелал попробовать человеческой крови? И, вероятно, не уследить за ним, и однажды получить ребенка, полного раскаяния, боли и стыда, которые он пронесет через всю жизнь?.. А если не раскаяния? Если ему все это... понравится? Если зло прорастет в его душе вместе с первым глотком крови, что тогда? Хотел бы ты себе такого короля, Тристан? А мог бы покарать юного короля, зная, что он твой родственник? Впрочем, зачем я спрашиваю, конечно, мог бы. Но доставило бы тебе это удовольствие? Не являлся бы он тебе в пугающих снах вместе с остальными?..

— Яйца сатаны! — Тристан схватился за голову. — Почему вы не прибегли к моей помощи раньше?!

—...а теперь это слишком поздно. Даже если я перестану быть вампиром, она уже не помолодеет настолько, чтоб понести дитя. Увы. Мы проявили эгоизм, Тристан, как все люди. Мы просто хотели быть счастливы вместе как можно дольше. Что ж, наверное, мы не имели на это право. Но я всегда помнил о тебе и о твоих сыновьях. Вы — мой страховочный контракт, Тристан. Я знал, что не уйду, оставив королевство в хаосе. И ты не сможешь мне отказать. Ты не бросишь нас всех. Ты не сможешь, Тристан.

— А вы шантажист и мошенник, Ваше Величество! Откосить от исполнения своих прямых обязанностей и давить на мое чувство долга — это кто ж вас научил так манипулировать людьми?!

— Это у нас семейное, — небрежно ответил Генрих, принимая деловой, сосредоточенный вид. — Но к черту сантименты, к делу. Итак; сам ты становишься королем не хочешь, как я полагаю? Так кого посадим на трон? Рэя? Алекса? Если хочешь, Китти. Отличная получится королева. Хваткая, умная, в меру жесткая.

— И принц-консорт Густав, — мрачно подхватил Тристан. — Шикарная какая карьера, от деревенского служки до короля! Черт!

— Так Рэй или Алекс?

— Откуда мне знать, кто из них вообще годен на это дело? Кто захочет?

— Впервые вижу семейство, так истово отрешивающееся от короны...

— Кстати! — вдруг припомнил Тристан. — Агент! Девушка на перроне! Я заметил ее, когда шел сюда. Зачем она? Если ты приехал обрадовать меня своим отречением, то к чему было везти с собой эту девицу? Она ведь агент? И, судя по тому, как держится, лучший?

— Ах, да, — проговорил Генрих. — Клэр Редстоун...

— Какая-то знакомая фамилия.

— Даже не удивлен, что ты ее знаешь. Но сейчас это просто фамилия. Ничего больше. Но к делу. Понимаешь ли, Тристан, тут вот какая история вырисовывается... Клэр Редстоун одна из моих лучших агентов. Хваткая, жесткая, умная. Никаких сантиментов. Никаких интрижек на стороне. Словом, бульдог на службе короля. Я даже взял ее под свою личную опеку. Такие люди нужны короне.

— Не сомневаюсь, — хмыкнул Тристан.

— Но недавно королевская полиция расследовала одно дело, — Генрих потер лоб. — Странное дело. В недорогой гостинице, в гробу, найдено тело девушки... Молодой девушки в подвенечном платье. Рядом с ней труп младенца. Выглядит все так, будто ее готовили к погребению прямо в номере, но не успели вывезти.

— Это так опасно, что король лично заинтересовался ее гибелью? — Тристан удивленно приподнял бровь. — Видимо, умерла в родах, так случается. Была не замужем, поэтому белое платье.

— О да, опасно. И не так просто! Она именно убита, а не умерла по каким-то естественным причинам, — Генрих протянул Тристану плотный картонный прямоугольник, к которому была приклеена фотография места происшествия. Глянув на нее, Тристан удивленно присвистнул. — Девушку опознали, она пропала всего неделю назад. Но выглядит она так, словно труп минимум десять лет. Спелената, как мумия. Ну, и вида неприглядного. Младенец тоже... странный. Не совсем человек. И отчего умер — не ясно.

— Однако!

— Увидев все это, наша стальная Клэр вдруг впала в истерику. Расплакалась. Даже чуть не упала в обморок. Странно, вы не находите? Вы же видели ее. Очень уравновешенная и сильная особа. А тут...

— Да, — согласился Тристан. — Она не производит впечатления истерички. Даже наоборот. Алекс уже готов взорваться. Она довела его до белого каления.

— Я разговорил ее. Она сначала плакала, но потом призналась, что сама была в подобной ситуации. В белом платье, в гробу и с младенцем на груди. Раненая, почти мертвая.

— Что?! И сумела выкрутиться из этой ситуации?! Однако, сильна...

— Да. Редстоун — фамилия громкая. Герцоги Редстоуны — алые гордые львы, полные мощи. А Клэр служит мне за сравнительно небольшое жалование. Семья от нее отсеклась.

— Почему бы?

— Видишь ли, Клэр... словом, единственная наследница богатого и уважаемого рода, она сбежала с мужчиной. Как-то проходимец вскружил юной, неопытной девушке голову и тайно увез ее.

— И поэтому надо отречься от единственной дочери?

— Ну, не все же так демократичны, как ты, Тристан. И не все плюют на свой род и свое имя, как ты. Редстоуны берегут свою честь. А тут — побег непонятно с кем. Позор!

— Девица была изнасилована? Совращена?

— Да, как будто бы, нет.

— Это она так сказала? Соврала.

— Да зачем ей врать? Она призналась в порочащем ее имя поступке, в легкомысленном побеге с мужчиной. Зачем скрывать что-то еще?

— Это же женщина. Она может солгать потому, что ей стыдно. Никогда не признается в том, что ее ухватили за задницу, потому что от этого у нее на чулках стрелка пошла. К тому же, младенец на груди... младенцы не берутся из ниоткуда, я-то точно знаю, как они получаются. Но не важно. Как она вообще увязала свое грехопадение с этой несчастной?

— Она рассказала, что мало что помнит после побега. Но гроб, младенец и дешевое белое платье — да. Слишком много мелочей показалось ей знакомыми.

— М-да... Как жестоко. Так поступить с совсем юной, невинной девушкой, которая, к тому же, без ума влюблена в того, кто это сделал...

— Поэтому она здесь.

— Жаждет мщения, насколько я могу понять?

— Мщение? Я бы больше опасался мщения, будь я на месте ее родных. Она государственный служащий высокого ранга, ей стоит только попросить, и они пойдут по ее пути нищеты, отчаяния и трудностей. Но она не просит. А вот мошенник... Она понимает, что он заслужил кары, как никто. Ведь он может искалечить много, много невинных девушек.

— Но она все же жаждет его поймать и наказать за себя, а не за гипотетические чужие изломанные судьбы.

— Это дело чести, — сухо ответил Генрих. — Найти человека, который закончил ее жизнь.

— Но она жива, — резонно заметил Тристан.

— Физически да, — сухо ответил Генрих. — Но для света, для ее семьи ее словно и не было. Громкое имя, а ни наследства, ни титулов, ни места в свете, ни надежд выйти замуж за приличного человека ее круга. К тому же, самое главное: с ее магическим даром что-то не так. Он словно есть, но будто бы и нет его. Она калека; колдует всякими ухищрениями и при помощи различных приспособлений и амулетов. Но держится при этом очень уверенно. И стоит много, очень много. На нее можно положиться.

— То есть, и потомства магически полноценного дать не сможет, — подытожил Тристан. — А вот это уже посерьезнее и похуже всяких там титулов и бабкиных сундуков с золотом. Это не понравится никому. Да, теперь я понимаю ее желание отомстить. Но, дорогой Генрих, не помешает ли это делу? Она уже впала в истерику при воспоминании о своем несчастье. Где гарантии, что не впадет еще раз? В самый неподходящий момент?

— Не впадет, — хладнокровно ответил Генрих. — Не забывайте о ее воспитании. Таких девиц учат с младенчества держать себя в руках. Тот, первый раз, был просто минутной слабостью.

Глава 9

— Ах, первый раз?! — удивился Тристан.

— Таких несчастных девиц в белых платьях мы видели еще несколько штук. И всегда Клэр держала себя в руках. Может быть, это зрелище... немного утешило ее.

— Утешило?

— В том смысле, что она не одна попала на эту удочку. Не с ней одной так поступили. И она еще дешево отделалась! Все остальные были мертвы, бесповоротно мертвы, мертвы так, что даже придворные некроманты не смогли бы оживить их хотя б на пару минут, чтоб можно было допросить.

— Однако! — удивился Тристан.

— О да. Вот поэтому Клэр — уникальная и очень важная персона. Она единственный выживший свидетель. Она располагает приметами преступника, она видела его в лицо и сможет опознать. Вот его-то, в отличие от ее смертельных приключений, она запомнила хорошо. И даже нарисовала его портрет.

Генрих протянул Тристану плотный картонный прямоугольник, рамку, на который был наклеен акварельный рисунок.

— М-м-м, — протянул Тристан, рассматривая изображение. — У девушки недюжинный талант.

С портрета на него глянули насмешливые льдисто-серые глаза.

Очень мужественное и очень красивое лицо, привлекательное живостью черт, которые присущи только людям с горячей кровью.

Яркий, броский тип.

И даже через этот легкий, полупрозрачный рисунок в нем угадывалась тяжелая, жесткая, негибкая воля. То, что так влекло девушек к этому человеку. То, что заставляло их ему довериться и то, что в конечном итоге губило их...

— Не чета нам, аристократам-вырожденцам, — пробормотал отчего-то Тристан, чуть коснувшись кончика носа, словно скрывая свое смущение. Генрих в полумраке чуть слышно посмеивался, наблюдая за инквизитором.

— Ты тоже это ощутил? — произнес он. — Магическую силу?

— Скорее, переизбыток тестостерона, — ворчливо ответил Тристан.

— А! Ну, это тоже, — весело ответил Генрих. — В его присутствии чувствуешь себя немного ущербным, не так ли? А это только портрет.

Тристан с удивлением посмотрел на Генриха. Тот подался вперед, в неярком электрическом свете сверкнули его глаза.

— Серьезный соперник, не так ли? — с прохладцей произнес Генрих. — Не отрицай, это так. Поэтому я хочу присоединиться к тебе в расследовании. Как в старые добрые времена.

— Опасная авантюра, — заметил Тристан. — Я не могу, не имею права рисковать жизнью короля.

Генрих взглядом указал на запечатанный конверт.

— Не забывай о моем отречении, — ответил он беспечно. — В данный момент неизвестно, кто из нас дороже королевству.

— Желаете размяться, Ваше Величество? — спокойно поинтересовался Тристан.

— Да, — небрежно ответил Генрих. — Засиделся во дворце, в глуши. Скучно.

— Тогда хотя бы переоденьтесь, — Тристан критически оглядел короля. — Нужно что-то попроще. Костюм построже. Как у простого Ловца. Негоже щеголять в королевском платье, это привлечет излишнее внимание.

Генрих покладисто склонил черноволосую голову.

— Как скажете, Ваша Светлость.

— Я подожду вас снаружи, — Тристан легко поднялся, оперся на трость. Его белоснежный пес подскочил, словно услышав безмолвную команду. — Не сильно спешите, Ваше Величество. Я прогуляюсь, поразмыслию, с чего начать наши поиски.

Свита Тристана стояла в некотором отдалении, не посмела подойти, даже когда он вышел на перрон. Они поняли, что Тристан не собирается уходить, а, напротив, кого-то поджидает. Кого-то высокопоставленного, коль скоро почтительно и на некотором отдалении прогуливается рядышком с вагоном.

Но Софи была не оборотнем из свиты; поэтому она взяла на себя смелость приблизиться к Тристану. Супругу инквизитора никто не поспел бы задержать.

— Ну? — нетерпеливо произнесла она, откинув вуаль с лица и с любопытством заглядывая в его глаза. — Что... что он сказал?

— Кто — он? — спросил Тристан, неспешно раскуривая свою старую изящную трубку из потемневшего дерева и слоновой кости. Софи недовольно поморщилась:

— Терпеть не могу, когда ты делаешь вид, что не понимаешь о чем речь! — ругнулась она, отмахнувшись ладонью от табачного дыма. — Король, разумеется. Что хотел король? Зачем он приехал?

Тристан недовольно поморщился.

— Если тебе было видение, — произнес он недовольно, — и если ты знаешь, кто приехал, то ты должна знать, и зачем. К чему вопросы?

Софи нахмурилась.

— Ты же знаешь, что Тьма изменилась, — резко ответила она. — Кому, как не тебе, это знать! Я иногда вижу обрывки предсказаний, но не так четко, как раньше. Приехал король, это я увидела. Блеск его глаз не спутаешь ни с каким другим, даже в полумраке. В них пляшет кровавое пламя, хоть он и не пил крови уже давненько! Но зачем...

Софи закусил губу. На языке ее вертелся верный ответ, но она не смела произнести его.

Терзала тонкие кружевные перчатки, краснела и бледнела — это хорошо было видно даже под ее густой вуалью, — но молчала.

— Он хочет, чтобы я стал королем, — без обиняков произнес Тристан. — Он не оставил наследника, а сам хочет уйти на покой. Поэтому нужен новый король.

— И ты отказался! — всплеснула руками Софи.

Тристан беспечно пожал плечами.

— Зачем мне это, — небрежно ответил он.

— Только не начинай свою любимую песню о том, что ты выше короля! — раздраженно буркнула Софи, и Тристан покосился на нее насмешливо.

— Но это так, — упрямо произнес он. — Разве нет? В моих руках сосредоточено больше власти, чем у Генриха. Он всесилен в Аду, потому что он — высший вампир. Но здесь, на земле, он и ногтя моего не стоит. Иначе он не приехал бы просить у меня помощи. М-м-м... надо поразмыслить, может, можно как-то исхитриться и ему как-то помочь...

— Ты сейчас серьезно? — рассердилась Софи.

Тристан снова неодобрительно покосился на нее.

— Неужели тебе так хочется надеть корону королевы? — насмешливо произнес он.

— А тебе как будто нет? И никогда не хотелось? Ни в жизни не поверю! — вспыхнула Софи.

— Никогда, — твердо ответил Тристан. — Иначе я надел бы ее уж давно, и носил бы до сих пор. Но я выбрал себе иной путь; я взял иную власть. И мне ее достаточно. Я был рожден бастардом и всегда знал, что королевский трон не для меня, и никогда моим не будет. И меня это устаивало.

— Мог бы о сыновьях подумать! — сварливо произнесла Софи. Было видно, что она здорово разочарована упрямством Тристана.

— В случае если я соглашусь занять место короля, по праву рождения после меня трон унаследует Китти, — нарочно дразня Софи, произнес Тристан. Ему не понравилась жадность, проскользнувшая в голосе Софи. Ее желание надеть королевскую корону было ему понятно, но королевы, на его вкус, должны были обладать большим достоинством. И не выказывать своих нетерпеливых желаний так явно. — Она старше близнецов.

— Трон унаследует тот, — жестко произнесла Софи, — кого ты объявишь наследником!

— Близнецы тоже выбрали власть себе по вкусу. И это не королевская власть. Достаточно об этом, — в голосе Тристана прорезалась сталь. — Я отказался. Значит, делить это тепленькое местечко нам не стоит. Поговорим об этом позже, когда закончим наши с Генрихом дела.

— Дела! — фыркнула насмешливо Софи. — Как будто есть что-то важнее, чем...

— Есть, — весьма непочтительно перебил ее Тристан. — Если сам король берется за дело, значит, это важно. И весьма опасно. Смертельно опасно.

Тристан и Софи обменялись долгим взглядом. В нем было много такого, отчего у Софи заалели щеки, губы раскрылись, словно Тристан сказал женщине что-то невероятно соблазнительное, отчего у нее закружилась голова, и сильнее забилося сердце.

— Древние, бессмертные... мальчишки, — ругнулась она. — Снова хотите сыграть со смертью?..

— А с чем-то иным играть уже не интересно, — безразлично ответил ей Тристан, с отсутствующим видом рассматривая что-то, происходящее за ее спиной.

— Этим ты и привлекаешь, дерзкий Зимородок! — Софи лишь покачала головой. — Что ж... играй. Играй, пока играетя!

Глава 10

Оставив Софи, Тристан прошел чуть дальше по перрону, чтобы побыть в одиночестве и немного подумать.

Новости, привезенные Генрихом, сильно взволновали его.

Да он и сам чувствовал, давно, что что-то грядет. Что-то назревает, пугающее и странное. Тьма, с которой ему удалось договориться не так давно, вдруг повела себя неожиданно. Она будто отвернулась; отвергла Софи — та больше не могла подсматривать в будущее, — да и самого его будто избегала.

Не звала, не шептала в уши своих тайн...

Не любила.

«Оттого и Генрих перестал справляться, — подумал Тристан, разжигая снова погасшую старую трубку. — У Тьмы словно не осталось сил для того, чтобы его поддерживать. И потому он не может помочь королеве сохранять и дальше ее молодость и красоту. Странно это. Возможно, если раскрыть эту загадку сейчас, то Генриху удастся сохранить корону? Хорошо, если б это было так...»

— Ваше Темнейшество? — шипящий голос отвлек Тристана от его размышлений.

Он обернулся.

Перед ним, тяжело опираясь на сучковатую нелепую палку, стояла стройная женщина в изящном и модном темном платье. На голове ее была роскошная, дорогая широкополая шляпа со страусовыми перьями и густой черной вуалью. На руках изящные черные кружевные перчатки.

Если б не эта палка, если б не поза странной визитерки — перекошенное, словно от болезни тело, одно плечо выше другого, полусогнутое колено, угадывающееся под темной тканью ее одежды, — то ее можно было б принять за даму высшего света.

Даже находясь в такой незавидном положении, она старалась держаться с достоинством.

Пусть даже и припадая на одну ногу.

— Что вам угодно? — сухо произнес Тристан, оглядев женщину с головы до ног. — Кто вас пустил?

Та насмешливо фыркнула, чуть шевельнулась, принимая позу поудобнее и сильнее опираясь на палку.

С ее платья, с рук, с шеи брызнули капли света, ослепительные и яркие. Так сверкают только бриллианты. Черные бриллианты, которых в темноте и на черном фоне не видно.

Однако... украшения-то у нее самые что ни на есть дорогие.

— Кто бы посмел меня не пустить, — прошипела она насмешливо.

Голос у нее был странный; словно она хотела спрятать, изменить его шепотом, но забывалась, и начинало говорить громко.

Тристан поморщился.

— Давайте без дерзости, — произнес он, раскуривая трубку. — Все это — тайные посетительницы, темные вуали, — мной уже не раз пройдено. И каждый раз оказывалось, что держащая под вуалью дама питала романтические чувства. Мне это порядком надоело, знаете ли. Не люблю подобных способов привлечения внимания.

Женщина хрипло хихикнула.

— Поверьте, мой случай совершенно не такой, — прохрипела она. — К тому же, господин инквизитор, вы совершенно не в моем вкусе. Выглядите ужасно; болезненно и пугающе. Не понимаю, что женщины в вас находят. Утверждение «бесцветный, блеклый тип» подходит вам как нельзя лучше.

Она откинула вуаль, и Тристан не сдержался, присвистнул, разглядывая нечаянную собеседницу.

Ее лицо было словно разодрано когда-то на части и сложено снова, зашито большими стежками.

Голова тоже как будто была отделена от тела, а потом приставлена на место, не очень аккуратно и не совсем точно. Шея была крива, и даже широкой кружевной лентой этого было не скрыть.

Трудно было сказать, была ли эта женщина когда-нибудь красива.

Еще труднее — была ли она знатна.

Ее словно пережевало нечто огромное и страшное, а потом кто-то кропотливо собрал ее по кусочкам. Но все ее существо напоминало раздавленную яичную скорлупу: даже если все собрать, цельной картины, как прежде, не получится.

«Кто бы говорил о вкусах», — почему-то неприязненно подумал Тристан, рассматривая уродливый, бугристый лоб, торчащие из неровно сросшихся губ зубы.

Челюсти тоже были переломаны, словно на голову женщине наступил слон и сплющил череп в лепешку. От этого зубы торчали вперед.

— А вот это было невежливо, — хихикнув, произнесла дама, опуская вуаль и скрывая свое изуродованное лицо от потрясенного Тристана. Видимо, она или умела читать мысли, или хорошо угадывала их. Впрочем, что угадывать; все они были красноречиво выписаны на его лице.

— Не более, чем говорить со мной непочтительно, — огрызнулся Тристан. — Если вы пришли не беседовать со мной о романтике, то и слова о ваших вкусах неуместны. Я о них не спрашивал, как и вашего мнения о своей персоне. Не терплю бесцеремонных невоспитанных девиц. И ваша... гхм... дерзкая оригинальность и развязность не компенсирует вашего уродства. Очарования она вам точно не добавляет. Скорее, наоборот. Итак — что вам угодно?

— Меня послали передать вам... словом, в ваших успешных поисках заинтересованы важные лица, — ответила она. — И я сейчас не о короле говорю, а о намного более важных персонах.

— Вот как? О ком же?

— О той, кому я служу.

— Кто это?

— Это та, что сохранила мне жизнь. За второй шанс я поклялась быть верна ей до самого последнего вздоха.

— Сомнительный подарок. В некоторых случаях все же лучше помереть.

— Не старайтесь задеть меня, инквизитор, — снова хихикнула странная собеседница. — У меня на жизнь и смерть свои взгляды. Откуда вам знать, каково оно, в могиле-то. Так что не учите меня...

— Знаю, — резко прервал ее речь Тристан, яростно сверкнув алыми глазами. — К своему несчастью, знаю. Так что сию минуту прекратите кривляться; ваши дешевые шутки меня не трогают. Если я сомневался в вашем происхождении, когда вы стояли молча, то теперь ни единого сомнения у меня не осталось. Вас выбрали, скорее всего, на каком-нибудь рынке. Можно надеть корсет и бриллианты, но невежества под ними не скроешь. Так что извольте знать свое место и говорите со мной так, как того требует мое — и ваше, — положение. Извольте внятно изложить ваше дело и прекратить тратить мое время. Не то я вполне могу устроить вам последний вздох, и вы сможете оценить благодетельную милость смерти.

Женщина замолчала; под вуалью дрогнули ее изуродованные губы, но Тристану отчего-то не было ее жаль.

— Поднимется рука на калеку? — насмешливо спросила она.

— Да, — четко ответил Тристан. — На кого только не поднималась. Демоны порой прячутся в обличье невинных младенцев.

— Невероятная жестокость...

— Если б я не был жесток, я бы не был сейчас тем, кем являюсь. Не пытайтесь взывать к моим нежным чувствам. И к совести тоже.

— Это того стоит? — тихо произнесла она. — Та власть, что теперь сосредоточена в ваших руках — она стоит потерянного вами куска души, инквизитор? Вы чудовищно жестоки и абсолютно бездушны. Вы этим наслаждаетесь?

Странные претензии.

Дама выпалила эти слова с обидой, как будто Тристан не оправдал каких-то ее надежд. Потаенных.

Лица ее под торопливо опущенной вуалью Тристан не видел. Но по тому, как она говорит, угадал, что губы у нее дрожат от сдерживаемых слез. Все же, как бы она не хорохорилась, как бы не бравировала, а ее внешность, ее уродство все еще причиняет ей боль.

Глава 11

«Значит, еще не свыклась со шрамами. Значит, это произошло не так давно», — автоматически отметил Тристан.

— Мадам, — холодно ответил Тристан. — Меня жевали не меньше вашего. А то и больше. Я знаю, что вы думаете обо мне. Так думают абсолютно все. Вам кажется, что я слишком гладкий, и что время не оставило на мне отметин, потому что было милостиво ко мне. Но на самом деле я просто тверже вас. Я не выбирал, каким мне стать. Меня сделали таким обстоятельства. И я заплатил... довольно большую цену. Не нужно думать, что я не знаю, что такое боль. Я знаю это слишком хорошо. Но порция боли еще никому не помешала. Она лишает иллюзий и отрезвляет.

Женщина тяжело вздохнула, опустила голову.

«О, нет, нет! Только не слезы! Этого еще не хватало!» — раздраженно подумал Тристан. Но его собеседница не собиралась плакать.

— Кое-кто, — отчеканила она, — желает, чтобы вы поймали негодяя как можно скорее. То, что вы назвали «жевать», — она внезапно хохотнула, — на самом деле называется ритуалом извлечения магии. Насильным извлечением. Меня выжали, как лимон.

— Да, понимаю, — ответил Тристан.

— Он ловит девушек и калечит их, а потом убивает. Ему не нужны свидетели. Я знаю, таких странных жертв много. Невесты с младенцем на груди, не так ли? Это дело вам поручили расследовать только что?

— Вообще-то, это государственная тайна, — неодобрительно заметил Тристан. — Не стоит о нем распространяться, и... откуда вы знаете? Кто вам сказал?

— Тайна, — насмешливо фыркнула дама. — Для меня не существует тайн. Я знаю больше, чем король. И уж куда больше, чем вы! У вас есть еще одна выжившая жертва, — жестко произнесла дама под вуалью. — С покалеченным магическим даром. Что-то пошло не так с этим ритуалом, и она осталась жива.

— Вы тоже, — заметил Тристан.

— Это потому, что я сопротивлялась! — с вызовом выкрикнула дама, сжав кулаки в бесильной ярости. — Прочие жертвы были милосердно усыплены. А я не сдавалась! Я сопротивлялась и не позволяла до самого конца сцедить мой дар! Даже когда он начал переламывать мне кости по одной!

— Это довольно смело и заслуживает уважения, — спокойно заметил Тристан, не позволяя ей заразить себя ее горячностью. — Но, однако, сопротивление не помогло?

— Нет, — сухо ответила она, мгновенно стихнув. Словно на последний всплеск эмоций ушли все ее силы. — Он раздавил и уничтожил меня. И взял то, что ему надо. Я думала, что умерла; да, наверное, так и было. Но моя благодетельница вернула мне жизнь, стерла боль с переломанного тела. Спасла меня. Да, вы правы, господин инквизитор! Я не знатного сословия! Но кто же знал, что у дочери простого мясника больше магических способностей и больше воли, чтоб защищать свою честь, чем у потомка знатного рода!

— Это вы сейчас на меня намекаете?

Маленькая монахиня умудрилась подкрасться незаметно, совершенно непонятно как. Ведь ее башмачки звонко и отчетливо цокали набойками по платформе.

Дама под вуалью молниеносно обернулась. Тристан видел, как сверкнули с ненавистью ее глаза.

— Вероятно, вы очень сильны и смелы, — продолжила монахиня. Ее шаги замедлились, набойки ее ботинок цокали медленно, словно в тягучем сне. — Но только вот мне никто не

помогал. Не пришел никакой благодетель и не стер боли. Я выбралась сама. Так что впредь не разбрасывайтесь хвастливыми словами, и не отзывайтесь уничижительно о других.

— Всего лишь легкий укол в подмышку, — издеваясь, прошипела дама под вуалью. — О, понимаю. Это невыносимо, нестерпимо больно! Немного больше, чем разбить коленки?

— Совсем чуть-чуть, — невозмутимо ответила монахиня.

— И немного больше, чем лишиться невинности в объятьях мерзавца? — не унималась искалеченная. На нее словно напал какой-то странный приступ, она странно задержала головой, плечом, как в нервном припадке, и захихикала, жутко и истерично.

Монахиня и ухом не повела, хотя дама под вуалью только что выдала стыдную тайну, которую агент скрыла даже от короля.

— Я любила его, — ровным голосом и твердо произнесла она.

Она смотрела на кривляющуюся, и глаза ее становились все злее, все холоднее, а маленькое хрупкое тело напрягалось, словно она вот-вот набросится на оскорбляющую ее женщину и разорвет ее на куски.

— Дамы, дамы! — прикрикнул Тристан, чуя, что еще немного — и эти две передерутся. — Держите себя в руках!

Но вмешательство инквизитора не остановило молодых женщин.

Казалось, что старые раны в их душах, нанесенные им неизвестным негодяем, загорелись огнем.

И старые раны под одеждой отзывались тянущей тяжелой болью. А кровь стала горяча как лава.

Тристан почувствовал, как закипел между ними воздух от столкновения двух волн магии, пущенных навстречу друг другу, и полы его одежды крепко рвануло.

В лицо шибануло магическим ветром, воздух на миг стал плотным настолько, что Тристану показалось — он заработал разом две оплеухи.

«Для калек, лишенных дара, эти две девицы чертовски опасны!» — промелькнуло в его голове.

А девицы уже сцепились не на жизнь, а на смерть.

Монахиня оказалась вооружена довольно длинным светлым клинком, так напоминающим меч самого Тристана.

Увечная с коварством ядовитой черной вдовы выхватила тонкий меч из своей нелепой палки.

Та служила ножнами для ее тайного оружия.

Сильным рывком девушка распахнула юбку, которая отстегивалась на манер плаща, и отбросила ее прочь, открыв довольно стройные ноги, обтянутые темными бриджами и обутые, как оказалось, в высокие узкие сапоги.

— Красивые ноги, — автоматически похвалил Тристан.

В следующий момент ему пришлось поспешно отступить, как рефери отшатываются от сошедшихся в яростном поединке боксеров. Потому что, прыгнув друг навстречу другу, девушки сшиблись, и ничто им драться не мешало, ни длинные одежды, ни увечья.

С их скрещенных клинков посыпались искры, отражающиеся в ненавидящих глазах.

Магия калеки ударила сильнее; монахиня заработала более сокрушительную оплеуху, чем Тристан. Лицо ее на миг побледнело, глаза сделались бессмысленными, а на щеке алой ниткой, одним росчерком протянулась кровотокающая царапина.

Но монахиня тотчас прогнала оцепенение, встряхнула головой и засмеялась — тихо, страшно, блестя веселыми и злыми глазами. Тыльной стороной руки небрежно и быстро мазнула по щеке, стирая кровь, и в ответ нанесла такой сокрушительный удар калек, что та с воплем отлетела прочь на несколько шагов, скользя по гладкому вокзальному перрону.

— Браво! — пробормотал Тристан. Он болел отчего-то именно за Клэр. — Вперед, Алая Львица!

Глава 12

И Алая Львица не подвела Тристана.

Каким-то особым чутьем он понял, что эта девушка, лишенная дара, бесповоротно искалеченная, сильнее и цепче, чем та, что изранена, раздавлена и перемолота безжалостными жерновами магии.

Да, ее потрепало сильнее. Но лишь тело; а таинственная покровительница, вдохнувшая в разбитую скорлупу жизнь снова, отдала ей и утраченный дар.

Клэр — нет...

Но, несмотря на это, Тристан поставил именно на нее.

«Интересно, как она колдует?» — подумал Тристан.

В ее голубых глазах он увидел алый хищный отблеск, кровавое боевое безумие. Львица дралась как в последний раз. С такой хваткой невозможно не победить.

— Да вы ума лишились!!!

Крик, полный гнева, прокатился над платформой и больно резанул нервы.

Юный инквизитор, Алекс, сунулся между дерущимися.

Откуда он взялся, было непонятно. Еще миг назад его рядом не было, и вот он уже стоит, яростный и взъерошенный, крепко ухватив искалеченную девушку за запястье и выкручивая ей руку.

Клэр он закрыл собой от следующего удара магии.

На мгновение ее охватило жаром его молодого тела, приятным запахом духов — молодой инквизитор был не меньшим пижомом, чем столичные щеголи.

Он обнял ее и прижал к своей груди, и объятая эти длящиеся мгновение, принесли Клэр крошечную каплю покоя и блаженной расслабленности.

Тепло.

Найти тепло там, где не ожидала.

От блаженного покоя и чувства защищенности у нее расслабились сведенные судорогой мышцы, упала тяжесть с напряженных плеч, и Клэр блаженно прикрыла глаза, пытаясь обмануть саму себя.

Убеждая себя, что она дома, в покое и безопасности...

Всего миг передышки, но такой сладкий и бесценный...

Алекс обхватил ее за шею, крепко и безжалостно впился металлическими когтями в ее горло, грозясь пронзить тонкую кожу и пустить кровь. Одно неверное движение — и верная смерть.

Однако ж, несмотря на грубый захват, он распустил свои крылья, прикрыл ими рвущуюся в бой девушку, и от черного выброса магии изувеченной противницы из них полетели белоснежные перья.

— Прекратить!

Рвущейся в бой калек он влепил крепкую оплеуху, чем сбил ее с ног. Она рухнула с кратким вскриком к ногам молодого человека и затихла, тяжело дыша.

Клэр при кажущейся легкости наказания досталось больше.

Острые хищные когти похожие на когти орла, безжалостно сжимали ее задыхающееся горло. Алекс, брезгливо встряхнувшись, словно ему пришлось прикоснуться к чему-то неприятному, перевел взгляд горящих глаз на девушку и заглянул в ее пьяные от злобы глаза.

Та разве что не рычала и не огрызалась в его руках.

— Точно, словно дикая голодная кошка, — пробормотал с улыбкой Тристан, отступив немного от сына, позволяя молодому инквизитору самому разрешить закипевший конфликт.

Хрупкий молодой человек на поверку оказался крепок.

А его яростного, одержимого взгляда было достаточно, чтобы остудить в душе Клэр бешеную жажду убивать. Она дернулась пару раз, но ощутила на своей шее смертельное оружие и затихла, швырнув свой меч к ногам молодого инквизитора.

Так же, как и он, она смотрела прямо, не тушуясь. И ее взгляд по упрямству не уступал его взгляду.

— Я вижу, — злобно выдохнул он, чуть разжимая пальцы, но не выпуская свою добычу, — вы уже успокоились?

— Умереть сейчас, от ваших рук, не входит в мои планы, — упрямо прохрипела она. — Пока не достигнуты мои цели, искать смерти довольно глупо.

Чтобы его когти не пронзили ее горло, она вынуждена была стоять на носках, пританцовывать на цыпочках. Алекс был значительно выше нее, а наклоняться, чтоб заглянуть ей в глаза, он не собирался. Поэтому, получая порцию инквизиторского гнева, Клэр приходилось самой тянуться вверх, к его лицу, чтобы не задохнуться в его стальной хватке.

И это было тоже наказание; не столько болезненное, сколько унижительное.

— Разумно, — похвалил Алекс и разжал пальцы, толчком откинул от себя девушку.

— Вы ранены, — ничуть не смутившись устроенной ей трепки, нахально заметила Клэр.

Она сожалела, что молодой инквизитор помешал ей разделаться с уродливой калекой. В крови ее кипела жажда причинить боль. Но ее долг подчиняться инквизиторам и королю брали верх, и она не делала ни малейшей попытки снова напасть и утолить жгущую ее жажду крови.

Но причинить боль инквизитору, ранить его хотя бы словами, чтобы выместить на нем свою досаду, ей не мешало ничто.

— Не стоило закрывать меня собою, ваша светлость, — вежливо проговорила она. В словах ее сочился яд. — Жертва неоправданно высока. Рисковать собой ради меня? Право же не стоило.

Алекс небрежно глянул через плечо. Одно крыло было здорово помято и потрепано. Части перьев не было совсем, часть была обуглена дочерна.

Он сложил святые крылья, и они исчезли, словно и не было.

— Заживет, — вызывающе бросил он, включаясь в ее игру ненависти. — А вам бы поучиться держать себя в руках. Лучший агент короля?! Чушь! Капризная и глупая девчонка. В присутствии Его Величества лезть в драку? На его месте я оторвал бы вам голову за несдержанность. Собак дрессируют, и они выходят послушнее и умнее вас.

Но от его нелестных слов Клэр и ухом не повела.

— Моя работа заключается в том, чтобы драться, — приторно-сладко ответила она, улыбаясь той самой нежной улыбкой, от которой у Алекса в нервном тике начинал дергаться глаз. — Защищая важные персоны. Тем более с исчадием Тьмы. Я буду драться с такими чудовищами даже в присутствии Его Величества Генриха, которому и служу, собственно. Вы разве не видите?

В ее голосе проскользнула лютая издевка, зазвенел хохот. «Я, увечная, лишенная дара, и то смогла разглядеть посланницу Тьмы, — кричали ее смеющиеся глаза. — А вы, великолепный и ослепительный инквизитор? Неужто просмотрели?»

Алекс обернулся и пристально взглянул на поднимающуюся калеку.

Его алые глаза сузились, превратившись в две пылающих щелки, и Тристан, выступив из тени, только качнул головой:

— Ее хозяйка сама Тьма. Иначе кто б мог вернуть жизнь в разбитое тело? И еще и дар, сцеженный черной магией. Тьма вернула то, что забрала.

Искалеченная девушка с явным усилием поднялась.

При всей ее прыти в бою, как только надобность мечом махать отпала, она стала прежней неповоротливой калекой.

И нога ее согнулась в колене, девушка припала на нее, словно мышцы вновь стянуло болью.

Шляпу свою с вуалью она потеряла, и теперь в ярком, праздничном свете вокзала она предстала перед Алексом во всей своей красе, точнее, в своей некрасивости.

— Что за сила могла сотворить с человеком такое? — изумленно произнес Алекс, разглядывая ее уродливое, жалкое лицо. Кажется, она испытывала мучительный стыд оттого, что молодой человек рассматривает ее, и рассматривает с доброй толикой страха и жалости.

— О, господин инквизитор, — усмехнулась девушка, торопливо поднимая свою шляпу и пряча под вуалью искалеченное лицо. — А в ваших детях еще есть что-то человеческое! Сострадание, например.

— Ничего, — огрызнулся Тристан. — Это быстро проходит с возрастом. Итак, что Тьма велела передать мне? Достаточно ходить вокруг да около давайте к сути.

Он проговорил эти слова спокойным тоном, но сердце его отчего-то дрогнуло и забилось часто-часто, как у юнца перед самым важным свиданием в его жизни.

Тьма прежде не обращалась к нему с просьбами.

Она шептала что-то о вечности и вечной весне. Соблазняла, нашептывая в уши страстные признания. Но ее слова всегда были похожи на бессвязное сонное бормотание. И никогда Тристан не был уверен, что, разговаривая с ним, она видит именно его и обращается со своими признаниями именно к нему. Внимание ее всегда было рассеянно на весь свет.

Теперь же он был уверен — она видит его. Она знает его, думает о нем и обращается именно к нему.

Влюбленная в него черная сила...

Интересно, какова она?

— Тьма угасает тоже, — устало выдохнула калека своим изломанным, шипящим голосом. — Как и королева Анжелика, Тьма терпит поражение. Еще немного, и они обе потеряют все силы и исчезнут.

— Как такое возможно?! — изумился Тристан.

— А вы разве ничего не замечаете? — усмехнулась искалеченная. — Те, кто задумал сделать это, давно трудятся над этим.

— И похищение девушек с этим как-то связано?

— Ну, разумеется, инквизитор. В мире не бывает, что две таких странных вещи происходят просто так, сами по себе.

— Так зачем похитили вас, и Клэр?

Калека зябко передернула плечами, будто ей невероятно неприятно было вспоминать.

— Он хочет, чтобы Тьма материализовалась.

— Что?!

— Что, господин инквизитор? — усмехнулась калека. — Вы бы тоже не отказались? Странно, что при вашей одержимости вы не додумались до этого первый.

Глава 13

— Я не имею права уничтожать Тьму, если вы об этом, — сухо ответил Тристан. — Я служу балансиrom между Светом и Тьмой. Я гарант того, что магия не разнесет мир в клочья. Я олицетворяю порядок, а не безумство.

— Давно ли эти мудрые мысли поселились в вашей фанатичной голове? — едко усмехнулась искалеченная. — Тьма долго думала прежде, чем решиться прибегнуть к вашей помощи, инквизитор. Да, она любит вас, но не верит ни на миг. Она знает вашу свирепость. Знает, что ваша рука не дрогнет, и вы всадите нож в сердце, даже глядя в самое прекрасное лицо в мире. Уничтожить победить саму Тьму, это ли не мечта всех инквизиторов на свете! Но сейчас у нее нет выбора. Или она попросит у вас помощи, или исчезнет — и возродится в ужасной, неконтролируемой форме. И тогда вам с ней не совладать.

— Простите?..

— Девиц похищают, одурманивают и сцезивают их дар затем, чтобы Тьма перестала быть чистой силой и чтоб приняла облик обычного человека. Заполнила собой смертную оболочку.

— Женщины, — подсказал Тристан угодливо.

— С женщиной легче сладить, — подсказала угодливо калека. — С простой смертной женщиной, хрупкой и слабой, внутри которой заперта стихия. Ваш противник такой же злобный ублюдок, как и вы, инквизитор. Он тоже уничтожить любую, не колеблясь. Убьет, а силу Тьмы присвоит себе. Это его цель. Он сам хочет стать Тьмой. Жажда власти вскружила его голову.

Она насмешливо качнула головой в сторону Клэр.

— Хороша красotka, а? — прокаркала калека. — А и ей он сунул меж ребер ритуальный нож. Не пожалел.

— И... — протянул Тристан. — Насколько далеко продвинулся этот странный ритуал?.. Теперь все стало ясно.

Вот отчего Тьма больше не разговаривала с ним ласковым шепчущим голосом.

Вот отчего не целовала его во снах напротив сердца. Не касалась ласковой ладонью.

На мгновение Тристану показалось, что она зовет его нежным голосом, и блеск прекрасных глаз почудился ему. Но и только.

— Тьма бессильна, — завершила свой рассказ калека. — Дело почти завершено. Очень скоро она станет просто женщиной, и окажется в руках негодяев. И тогда...

— Какого демона она не обратилась ко мне раньше?! — вспылil Тристан. Калека усмехнулась.

— К вам? — переспросила она с пренебрежительной иронией. — И выдать инквизитору тайный ритуал? Дать описания жертв, которые для него годятся? Чтоб он сам провел его, и уничтожил ее?..

— Я похож на злобного безумца, чтоб так поступить?!

— Да.

— Ах, так? Что же теперь изменилось?!

— Ритуал почти завершен. Осталось... три? Четыре? Две жертвы? И для нее настанет конец. Тьма цепляется за последнюю возможность. В ней уже слишком много от человека. Она научилась чувствовать, она испытывает страх, просит защиты и вызывает к вашему благородству. Хотя и без особой надежды.

Тристан с ненавистью смотрел в искалеченное лицо, общими чертами угадывающееся под черной густой вуалью.

— Я помогаю всем, кто обратился ко мне в трудный час, — уничтожающе вымолвил он.

— Жаль, мне вы не помогли, — прохрипела калека насмешливо.

— В мои полномочия не входит охрана девиц, отправившихся на свидание, или решивших опрометчиво выскочить замуж за смазливового проходимца, — огрызнулся Тристан. — Мне очень жаль.

Он вдруг отступил от нее, словно ожегшись, и девушка заметно дрогнула. Ей показалось, что он отшатнулся от нее с презрением и брезгливостью, и эта догадка пребольно резанула ее душу.

Она ринулась было за ним, прихрамывая и стуча своей палкой, с горячностью готовая ему доказывать что-то, но Тристан остановил ее властным жестом, и указал себе за спину, веля девушке спрятаться за ним.

— Кажется, наш разговор подслушивают те, кому не стоило бы доверять наших тайн.

И над перроном раздался вкрадчивый и мерзкий смех, от которого кровь стыла в жилах.

Тихо-тихо щелкали каблуки о перрон, с омерзительным звуком острое опасное лезвие высекало искры, когда оружие касалось пола и проводило долгую линию по каменному полу.

Но, как бы ни пытались люди рассмотреть, откуда и от кого исходит угроза, им это не удавалось.

— Старый пройдоха, — шепнуло невидимое нечто, кружась над головами людей. — Почувствуй-таки опасность...

Тристан не ответил.

Он молниеносно оборачивался на звук, но говорящий оставался невидим для его горящего взгляда.

— Давай, — похихатывал неизвестный, — раскрой свои святые крылья! Когда опасность так близко, нужно спасать свою драгоценную шкуру!

Тристан бросил быстрый взгляд на калеку. Тьма наполнила силой ее изломанное тело; раскрой Тристан свои крылья, и девушка распадется, обратившись в прах. Видимо, целью этой атаки и было избавиться от нее, пока она не выболтала слишком много тайн.

— Ну же, святоша! Спасайся!

Тристан еле успел уклониться от свистнувшего у самого его лица острого кривого лезвия.

Оно сверкнуло, опасно распоров воздух, и снова пропало, обратившись в невидимое.

— Ты не оставляешь мне выбора, святоша... Мне придется убить тебя. Что ж, так будет даже лучше.

Голос невидимого соперника наполнился голодным рокотом расвишавшего хищника, бросающегося в атаку на беззащитную жертву.

Не выдержав, выкрикнула изуверенная девушка, закрыв ладонями лицо, и почти тотчас же, слившись с ее вскриком, в руке Тристана свистнул старый нож, распарывая невидимое тело врага.

— А-ах-х-х, — шумно выдохнул невидимый.

Кровь брызнула из ниоткуда, и Тристан, не раздумывая, нанес еще один удар наугад, зацепив одежду и с треском распоров полотнище длинного плаща.

Нападающий отшатнулся. Стали сильнее слышны его шаги, одна нога явственно шаркала по гранитному полу. Видимо, ранение пришлось на бедро.

— Старый убийца, — с ненавистью выдохнул невидимый, переводя дух и переживая первую, самую острую боль. — У тебя что, хрустальные шары провидца вместо глаз?

Тристан рассмеялся и нарочито страшно лизнул лезвие ножа, пробуя на вкус кровь врага. Глаза его сияли тем маниакальным, фанатичным блеском, что наводил ужас на его врагов во все времена.

— Я тебя чую, — хищно и опасно шепнул он, рассматривая пустоту сияющими глазами. — Я слышу, как бьется твое трусливое сердце. Я ощущаю, как дрожь бежит по твоей спине. Я чувствую твой страх.

— Какой же ты король, ты бандит с большой дороги! Нацепил дорогие тряпки, а в душе остался все таким же злобным ублюдком, — ругнулся невидимый.

Но Тристана ругательствами было не смутить.

В один взмах он избавился от щегольского пиджака, оставшись в белой сорочке.

В этой небрежности он еще больше стал походить на себя прежнего, опасного и неуправляемого королевского бастарда, и рассмеялся еще сильнее, ощутив, как и без того невидимый соперник пытается отступить из зоны, куда смотрят алые глаза инквизитора.

— Подойди-ка ближе, трусливая падаль, — вкрадчиво велел он, — и я намотаю твои кишки на свой нож! Сегодня ж будешь показывать свои дешевые фокусы Сатане.

— Я утащу тебя за собой, белый призрак! — пригрозил невидимый.

— Это меня никогда не пугало, — беспечно бросил Тристан.

Тристан снова взмахнул ножом, кратко и страшно, как наемный убийца в темной подворотне, и невидимый снова вскрикнул, получив очередное ранение.

Он успел отразить следующий удар, клинки со свирепым лязгом встретились, и нож Тристана не отведал крови. Это инквизитору не понравилось; удерживая в сем телом натиск соперника, он наугад двинул кулаком в пустоту и попал, кажется, в лицо невидимому.

По крайней мере, тот захлебнулся кровью и отступил. Его клинок задребезжал по перрону, и Тристан, свирепо размахнувшись, снова попытался зацепить невидимого ножом.

Это ему удалось.

Даже невидимый, соперник не мог уклониться от клинка инквизитора. Кровь лилась, причудливо змеясь в воздухе алыми струйками и расцветая огромными пятнами, словно махровыми цветами. Теперь промазать по невидимому врагу было невозможно; Тристан сделал шаг вперед, и почти тотчас же отпрянул, потому что на его жертву, урча и злобно клекоча, налетел огромный черный клубок, черный зверь с иссиня-черными крыльями и загнутым клювом грифона.

Не церемонясь с жертвой, он ухватил пустоту стальными когтями на львиных лапах, рванул, и тишину вокзала разорвал вопль, полный боли и ужаса.

Тристан, переводя дух, опустил нож. На лице его явственно выписалась досада.

— Ну, Генрих, — протянул он укоризненно. — Зачем?.. Я ведь почти победил!

Грифон не ответил.

Он рвал и терзал свою жертву, подкидывая и трепля ее, как тряпичную куклу, и все тело несчастного покрывалось порезами, рваными ранами, а значит, и кровью.

И его было видно все сильнее, все лучше.

Хотя под конец забав короля это был просто бесформенный кусок мяса.

— Ну, все, все! — воскликнул Тристан, увидев, что черный яростный грифон намеревается оторвать руку вопящему несчастному. — Не тронь его, Генрих! Достаточно! Нам еще поговорить бы с ним прежде, чем он издохнет! Тьфу ты, черт, да он обделался... Отпусти его, не тащи в рот всякую дрянь. Надеюсь, он хотя б был мытый...

— На прошлой неделе, — грубо ответил Генрих, поднимаясь над растерзанным уже в виде человека в темно-синей, почти черной униформе с двумя рядками блестящих белых пуговиц.

Тристан поморщился.

— Ты что, попробовал его? Ты его выпил?! — ужаснулся он, глядя, как король не без известного изящества оттирает окровавленные губы тонким кружевным платком. — Ну, теперь-то нам просто необходимо его убить.

— Моя сила нам будет весьма кстати, — невинно ответил король. — Ну, спрашивай его, о чем хотел, Тристан. А затем мы отправим его туда, куда он заслуживает.

Поверженный невидимка стонал и тяжело возился на полу, суча ногами от боли.

Тристан склонился, рассматривая окровавленные черты.

— Да это же Вонк, — неприязненно произнёс он, разогнувшись. — Светлая голова, но все его опыты заканчиваются одинаково — преступлениями. Господин Вонк, вас можно поздравить с удачным завершением опытов с невидимостью?

— Интересно, как он проник сюда, — заметил Генрих. — Вокзал-то оцеплен.

— Заранее пришел, — ответил Тристан. — И стоял тут, никем незамеченный.

Вонк стонал и шумно дышал.

— Он уверял, — стонал незадачливый убийца, — что этим клинком можно убить любого из вас... что он непобедим...

Тристан небрежно подопнул оброненный клинок странной, причудливой формы. Выкопали его недавно, но постарались придать максимально необычный, мистическо-ритуальный вид. Видимо, чтобы запудрить мозги доверчивому учёному.

Глава 14

— Однако, как расточительно, — проворчал Тристан. — Пустить в расход такую светлую голову! Науськать его на инквизиторов, — в голосе Тристана проскользнуло самодовольство, — и на короля-вампира! Что, никого попроще не нашлось?

— Если он не понимал, что ему с нами не совладать, то и поделом ему, — отрезал Генрих. — Нельзя быть таким глупым. А науськали его на нас для того, чтобы задержать, так?

— Так, Ваше Величество!

Калека, до того момента стоявшая тихо, почтительно выдвинулась вперед и присела в изыщном — насколько это возможно в ее положении, — реверансе.

— Тьма велела вам передать, что сегодня они отправятся за очередной жертвой, — быстро, без колебаний, произнесла девушка. Было видно, что бессмертному королю голову морочить она не собиралась. — Это происходит всегда одинаково. Они отправляются на городской прием, самый пышный, самый важный, и там выбирают ту, что им нужно. Вечера достаточно, чтобы Кристоаль очаровал девушку настолько, чтоб она с ним сбежала. Потом...

Король с неудовольствием поморщился.

— Где у вас здесь нынче прием?

— У губернатора, — напомнил Тристан. — Мне Софи все уши прожужжала. Я обещал, что сопровожу ее туда.

— А! Так для злодеев не секрет, что ты там должен присутствовать. И все равно, — Генрих усмехнулся, — они собираются провернуть свои мерзкие делишки у тебя под носом. Какая дерзость!..

— Тьма велела передать, — калека в присутствии Генриха вдруг сделалась невероятно покладиста и почтительна, — чтоб Его Светлейшего берег свою супругу. Она подходит на роль жертвы как нельзя лучше. Нет, нет, наметили не ее. Наметили молодую девушку. Но если у них сорвется... Они возьмут мадам Софи.

— Однако! — воскликнул изумленный Тристан.

— Это значит, ты должен там быть, — тотчас произнес Генрих.

— Ну, разумеется!

— Но тайно.

— Что?..

— В засаде.

— Но негодяи почуют неладное, если меня там не будет.

— Алекс исполнит твою роль, — Генрих кивнул головой на молодого инквизитора. — А мисс Рэдстоун изобразит Софи. Пойдете туда, как семейная пара, рука об руку. Будете приманкой, отвлечете от нас внимание. Ну, и поможете, если что.

Клэр и Алекс смолчали, и с почтением поклонились королю, неприязненно глянув друг на друга. Но спорить не осмелилась. Хотя в чертах их явственно читалось раздражение.

— Немного грима, маски, парики... В общем, не мне вас учить. Клэр, в вашем саквояже найдется все необходимое?

— Да, Ваше Величество, — смиренно ответила Клэр, кротко потупив взор. — Я сделаю все. Никто не отличит меня от мадам Софи, а господина Алекса — от Его светлости. Самый роскошный наряд и умение держаться в обществе я обеспечу нам обоим.

— Тем более, что природа большую часть работы проделала сама, — рассеянно произнес Генрих.

— Софи лопнет от злости, если ей придется сидеть дома вместо того, чтобы блистать на балу, — заметил Тристан.

— Ничего, в интересах короны потерпит разок. Эх, мне бы немного силы...

Генрих красноречиво облизнул лаково-красные губы и чарующе улыбнулся, плотоядно глянув на юную Клэр. Вампирское очарование против его воли манило женщин к нему, как мотыльков манит свет свечи.

Клэр, видимо, уже привыкла к чарам патрона, иди же выработала верную тактику поведения. Она просто опустила голову в с тем же кротким видом, тщательно делая вид, что ничего не происходит.

А вот увечная девушка не устояла.

Словно зачарованная, она ступила ближе к ласково улыбающемуся королю и судорожно глотнула воздуха.

— Вы можете воспользоваться мной, Ваше Величество, — бесстрашно произнесла она. — Возьмите мою кровь.

Генрих, все так же обворожительно улыбаясь, чуть прикусил острыми клыками губу, отчего сделался похожим на лукавого бесенка. Несчастливая калека не смогла снести этого смертельного обаяния и едва слышно простонала.

Колени ее тряслись, она следовала за каждым жестом, за каждым движением Генриха.

— Вы так великодушны, мадемуазель, — вкрадчиво произнес Генрих, чуть поклонившись девушке. Он словно нарочно пытался очаровать ее как можно сильнее, заморозить, подчинить ее волю себе и поглотить ее без остатка. — Право же, действительно великодушны. И смелы. Но, боюсь, я... недостаточно крепко держу себя в руках. Так что, если я припаду к вашей шейке, то оторваться уже не смогу. И королевский поцелуй будет последним, что вы почувствуете в своей жизни.

Девушка восторженно вздохнула, и король еще раз вежливо поклонился ей.

— Господа, — король перевел чарующий взгляд ласковых глаз на агента и молодого инквизитора, — извольте поспешить на прием. Мадемуазель — вы можете вернуться к вашей госпоже и передать ей, что мы постараемся, очень постараемся ее защитить!

Калека присела в реверансе и тотчас исчезла, превратившись в струю черного дыма.

Клэр и Алекс поспешно отошли, и Тристан, оставшись наедине с королем, насмешливо хмыкнул.

— Однако, Ваше Величество, — произнес он. — Вы настолько умеете держать себя в руках, что можете отказаться от любезно предоставленной крови?..

— Мертвой крови, — хихикнул Генрих. — Девушка-то бесповоротна мертва, и сама того не знает. Тьма как не умела возвращать жизнь, так и дальше не умеет. А ослабев, она и собрать как следует бедняжку не смогла.

— Ах, вот оно что...

— Да. У вампиров обоняние развито сильнее, чем у инквизиторов. Так что это было не трудно, можете не рассыпаться в похвалах.

— А еще, Ваше Величество, вы, оказывается, сводник, — Тристан глянул вслед сыну и Клэр.

— Да нет.

— Да да.

— Да нет же!

— О, да! Вы привезли эту юную леди... дайте-ка напрямую свои мыслительные способности... в свете вашего отречения... с тем, чтобы составить новую королевскую пару? И говорите, что не сводник?

Генрих и глазом не моргнул.

— Если б я был сводником, я просто велел бы им жениться, — ответил он беспечно. — А я просто предлагаю им поработать вместе. Только и всего.

— Но почему Алекс?!

— Первый, кто попался. Считай, на него сама судьба указала. Чем ты недоволен?! Рэд-стоун — фамилия громкая. Партия выгодная. Ну, так мы с вами идем клеить усы и надевать парики? Все это я затеял, чтоб мы с вами могли проникнуть на приём незамеченными.

Тристан неодобрительно покосился на короля.

— Усы? — неприязненно переспросил он. — Зачем же так грубо?

Он раскрыл крылья, взмахнул ими, расправляя их во всю ширь, и шагнул в еле заметную тень, полузатертую ярким вокзальным светом.

Его белый пес прыгнул за ним следом.

И тень наложила краски на бесцветное лицо, сделала тени под глазами глубже, ресницы, брови и волосы — иссиня-черными.

Собака, бегущая за инквизитором, теперь тоже была черной. Ее шерсть сверкала, как бриллиантовая.

— Как эффектно, — похвалил Генрих. — У вас, оказывается, синие глаза? Может, так и останетесь на темной стороне, Ваше Темнейшество?

— Соблазнительно, — отозвался Тристан. — Но нет.

Глава 15

Алекс тихо бесился.

Сидя в вычурно-пышной карете, наряженный в черный маскарадный костюм с золотым шитьем, он чувствовал себя Арлекином. Или клоуном.

— Только красного носа не хватает, — ворчал он, в сотый раз приглаживая шелковый галстук.

Перспектива явиться в свет с несносной монашкой доводила его до иступления.

Он выглядел блестящим светским щеголем, статным, аристократичным. Да иначе и быть не могло! Ведь он должен был точь-в-точь походить на Тристана. На королевского сына.

Явиться же перед всеми под руку с подобострастным существом в унылом сером платье...

— Или в черном, — мрачно произнес он. — Цвета пыльного мешка...

Ничего иного от этого существа, пытающегося втиснуться в маску благочестия и благолепия, ожидать не приходилось.

Его воображение уже рисовало ему, как противная монашка вешается на всех и каждого гостя, щебеча свои приторно-сладкие глупости и противно жеманно хихикая. Ее желание понравиться любыми путями вызывало у Алекса приступы тошноты, в животе крутило.

Какой же, к черту, бал, если страдаешь несварением?!

— А если, не приведи магия, она начнет делать удивленные круглые глаза, — бубнил под нос Алекс, злясь все сильнее. — Как тарелки с молочным супом. И целомудренно молиться... Она будет похожа на человека, которого сию минуту огрели по голове. О, господи, за что мне это!

Он закрыл лицо руками. Уши его пылали.

Алекс был тот еще ходок. В этом он уж точно походил на Тристана как две капли воды.

Он любил красивых девушек, и обязательно таких, каких не стыдно показать в обществе. Умеющих держаться с достоинством. Таких, при взгляде на которых кружилась голова от восторга.

Монашка же, при всей ее молодости и привлекательности, в его памяти почему-то походила на мартышку, корчащую рожицы и строящую уморительные ужимки. Словом, не мечта.

Вечерок вырисовывался ужасный.

Но против воли короля не попрешь. Генрих велел работать в паре — значит, так тому и быть.

Краешком разума Алекс понимал, что это необходимая мера. Но смириться с тем, что ему придется под руку... с этой... о, господи, господи боже! За что!

Карета встала. Алекс усилием воли взял себя в руки, отнял ладони от лица и натянул преувеличенно-вежливое выражение. Дверца кареты раскрылась, расторопный слуга откинул лесенку и подал руку девушке, помогая ей подняться в экипаж.

— Добрый вечер, мисс... — начал было Алекс, и осекся.

Его приветствие повисло в воздухе, а сам он замер, раскрыв рот и вытаращив глаза точно так, как воображал в своих невеселых думах о монахине.

Если б его поразила молния, если б солнце ослепило его до слез, до горящих пятен перед глазами — все равно Алекс не испытал бы такого потрясения, какое настигло его теперь, когда наряженная для приема Клэр уселась в его карету.

Словно по волшебству исчезли ужимки и смешки. Вместо чудаковатой, грубой простушки в черной монашеской косынке перед Алексом сидела юная светская львица с ослепительно-белой кожей, с обнаженными плечами, с прекрасной гибкой шеей. Золотые волосы струились тонким кружевом по алому бархату ее платья. На шее поблескивали темные, как

кровь, рубины в золотой оправе. Тонкую талию, затянутую в корсет, можно было обхватить ладонями.

Девушка держалась гордо, уверенно и с изяществом.

Но самое главное — переменился ее взгляд.

Ее прекрасные голубые глаза смотрели прямо, уверенно, и не всякий мог выдержать тяжесть этого взгляда.

«Шик!» — промелькнуло в голове Алекса, и он почувствовал, что улыбается, как дурачок. Восторженно и блаженно, совершенно ослепленный и покоренный.

— Доброго вечера, ваша милость, — произнесла девушка вежливо. Но голос ее звучал холодно и жестко, так властно и сильно, что у Алекса вспотели ладони и он нервно заерзал, предвкушая... что? Тон девушки недвусмысленно намекал на поединок.

«Какого рода поединок, — шипел сам на себя Алекс. — Драться с девчонкой? Или... или хочется укротить эту строптивую лошадку? О да, такую оседлать захочет любой! Один ее взгляд, такой, каким она сейчас на меня смотрит, и к ее ногам упадут все, включая короля. Интересно, почему она не пользуется своей властью?»

— Наверное, потому что мне не нужна подобного рода власть? — очень вежливо произнесла девушка, глядя на Алекса прямо, не тушуясь. — О, нет, никакого волшебства, ваша милость. Все ваши мысли написаны у вас на лице. Весьма красноречиво. Поэтому я посоветовала бы вам поработать со своими эмоциями. Вас очень легко... раскусить.

— А! Тогда не стоит и скрывать моего восхищения вами, — ответил Алекс, слегка смущенный. Но все еще ему хватило сил улыбнуться — по-юношески застенчиво, как молодой человек, застигнутый за написанием любовного письма. — Вы, право же, поразили меня. Такая перемена...

Девушка посмотрела на него так холодно и так уничтожающе, что у Алекса сердце екнуло, и он почувствовал, как летит в пропасть, падает, стремительно падает в небытие.

— Благодарю, — прорычала она чуточку раздраженно.

«Стерва!» — ахнул Алекс.

Клэр скинула маску приставучей простушки, явив свое настоящее лицо. Теперь, даже если она снова начала бы щебетать милые глупости, Алекс ей не поверил бы ни на йоту. Одного мига с ней, с настоящей, было достаточно, чтоб понять — его внимание и симпатия на самом деле ей не нужны. Это притворство было всего лишь защитной маской, довольно отталкивающей, надо признаться, как раз для того, чтоб отпугивать всех, кто позарится на ее молодость и красоту.

И это-то и заводило больше всего!

— Волосы, — через силу произнес Алекс, понимая, что тушует, как желторотый юнец, черт ее дери! Он, которому покорилося не одно окошко прелестницы, тот, что ночевал не в одной дамской спальне! — Вы забыли спрятать волосы. Надо было надеть парик. Моя матушка...

— Думаете, кто-то заметит, что с инквизитором дама не с тем цветом волос? — ухмыльнулась Клэр. — Ваша милость, вы своим присутствием затмите любую! Все взгляды будут обращены на вас, и только на вас!

Девушка произнесла эту дежурную восторженно-сладкую речь таким тоном, что Алекс едва не захлебнулся от жгучей смеси иронии и яда, струившихся в ней.

«Ой, болва-а-ан! — ругал себя Алекс, сгорая от стыда. — Как это я раньше не замечал, что она просто издевается, якобы пытаясь мне понравиться?!»

— А вы, я посмотрю, любите поддеть собеседника, — заметил Алекс, изящным жестом оправляя манжеты и надвигая на лицо черную полумаску.

— Да что вы, — беспечно отозвалась Клэр. — И в мыслях не было. Как вы могли такое подумать обо мне, ваша милость. С вами я бы никогда не посмела так себя вести.

Она смотрела на молодого инквизитора прежним подобострастным взглядом, но словно сквозь него. Так, будто Алекса не было. Так, словно она его вообще не видела.

Все ее мысли были устремлены туда, в будущее, в предстоящую схватку. И Алекс вдруг почувал нутром, что девушка-то не просто ждет — она *предвкушает* встречу с негодаями.

С негодаем.

С тем самым человеком, что искалечил ее когда-то. Лишил всего.

Это о нем она сказала «я любила его». Любила ли? Или любит до сих пор?!

Эта мысль кольнула разум Алекса неприятным, душным беспокойством и жгучей ревностью. Это ведь не для Алекса, а для того, для другого Клэр оделась так ослепительно. Это ведь его воображение она хочет поразить. Ему хочет показать, как он ошибся, оставив ее.

Алекс от ревности чуть не зарычал, хотя понимал — на ревность он не имеет никакого права.

«Но, черт подери, — думал он, чувствуя, как холод сковывает его сердце, — а что, если она в решающий момент предаст?! Что, если он поманит ее пальцем, и она встанет против нас? Если она надеется на это и хочет этого?! Если весь этот путь она проделала лишь для того, чтобы переиграть прошлое? Снова встать перед этим человеком во всем блеске, и поразить его воображение, теперь уж по-настоящему? Что, если это ее цель, а вовсе не месть?! В конце концов, это ведь просто женщина... А влюбленные женщины страшнее и коварнее самого дьявола. Да черт бы драл всех и всё!»

Молодой человек вдруг подумал об отце, о Тристане. И о том, как это невыносимо тяжело — поднимать руку на тех, кто бесконечно дорог или просто симпатичен.

«А ведь придется, — твердо подумал Алекс, мучительно прокручивая в голове раз за разом предполагаемую сцену предательства Клэр. — Мне придется это сделать, если вдруг... Хорошо. Я пригляжу за ней».

Но внешне он оставался так же спокоен и невозмутим, хотя в душе его полыхал пожар, всепожирающая боль и тревога.

— Кажется, приехали, — произнес он, галантно подав рук Клэр. — Позвольте вам помочь!

На его пальцах не было серебряных ногтей, и девушка, вкладывая свою ладонь в его, улыбнулась.

— Какая чудесная форма пальцев, — похвалила она, как будто бы очень искренне.

— Благодарю, — произнёс Алекс, ловя себя на мысли, что его голос стал приторно-сладким и противно-масляным, каким до того был голос притворяющейся Клэр.

Глава 16

Дом губернатора сиял огнями.

Гостей было много, все наряжены в пух и прах. Но Клэр оказалась права: все внимание было приковано к Алексу, изображающему Тристана.

— Отчего такой ажиотаж, — сквозь зубы процедил Алекс, вежливо раскланиваясь с встречающими их людьми.

— Очень просто, — ответила Клэр, небрежно встряхнув рукой и раскрывая веер из страусовых перьев, выкрашенных в алый цвет. — Здесь много соглядатаев. Они создали какую-то интригу, что-то рассказали, чтобы Его Светлость был в центре внимания. Чтобы ему не давали заняться негодями — он ведь не станет устраивать скандал и панику среди людей? — и чтоб не выпускать его из поля своего зрения.

— Не станет устраивать панику? — усмехнулся Алекс. — Я б на это не стал на это ставить. Если ему понадобится, он головы всем путающимся под ногами свернет.

— Ну, значит, просто так легче следить за ним, — ответила Клэр, пробегая взглядом по толпе. — Значит, они не отказались от своего плана.

— Украсть девицу под носом у инквизитора и короля! Какая дерзость...

— Тот, кто сам хочет стать Тьмой, не станет осторожничать. Ведь если он займет место Тьмы, и Его Светлейшество, и Генрих будут ему кланяться, — усмехнулась Клэр. — И служить. И делать то, что он велит.

Она посмотрела многозначительным взглядом на Алекса, и тот вспыхнул до корней волос багровым румянцем.

— Они набрали много, много силы за долгие десятилетия своей жизни. Их он попытается обратить и перетянуть на свою сторону первыми. Это же очевидно.

— Но отец ничего такого не сказал!

Клэр усмехнулась.

— Не сказал, так подумал. Иначе отчего он так рьяно бросился в бой? — произнесла она, изящно поднимаясь по ступеням длинной лестницы наверх, в дом. — Казалось бы, уж ему-то не все ли равно, что за душа будет называться Тьмой? Но он носит Черную Корону. И если сейчас Тьма благоволит ему, и даже, поговаривают, влюблена, то другой хозяин может оказаться не так великодушен. Он может поломать инквизитора. Вступить с ним в бой. Или принудить служить себе безраздельно, или убить.

— Демон! Принудить... у него не выйдет! — горячо воскликнул Алекс.

— У Его Светлейшества тяжелое и кровавое прошлое, — продолжала Клэр беспечно, словно говорила о какой-то ерунде. — Думаю, он легко перейдет на темную сторону, если раз, два, или три раза преступит мораль. Всего-то надо почувствовать, что в злом деле виновен кто-то другой. Тот, кто велит и тот, кому ты не имеешь права отказать. И Генрих... Его Величество останется на троне, но его инъекции ему больше не помогут. Он вынужден будет либо убить себя, либо пить кровь.

Алекс промолчал. Только губы его сжались так, что побелели.

— Как думаете, что он выберет? Генрих сильный человек. Очень. Волевой. Но когда встанет вопрос о жизни и смерти, он выберет жизнь. Сама мысль о том, чтобы наложить на себя руки, претит ему. Он будет отчаянно царапаться, чтобы не закончить с пулей в голове, которую выпустят его собственные руки. Жалкая, стыдная смерть. Это не о нем. Значит...

— Этого не будет никогда! — горячо выпалил Алекс.

Казалось, от этих мыслей его мозг воспламеняется, а сердца касаются холодные руки страха. Он ненавидел девушку за эти слова, за нарисованную перспективу и за то, что она лишь

намекнула, что те, кого молодой человек любит и ценит больше всего, предстанут перед ним как враги.

Как те, кого он клялся уничтожать.

Кровавый король и сошедший с ума палач-инквизитор.

И ему придется сделать это. Вступить в поединок. И, вероятно, погибнуть.

Клэр прищурилась. Казалось, она угадала все мысли, мечущиеся в голове Алекса.

— Да? — вкрадчиво произнесла она. — И что вы сделаете?

— То, что должен, — сухо ответил Алекс.

— Поднимется рука на отца? — с удивлением произнесла Клэр.

— Даже если я окажусь побежден, — твердо ответил Алекс. — А я окажусь побежден, у отца опыта побольше моего. Но я попытаюсь исполнить свой долг до конца.

— Однако, — с удивлением произнесла Клэр. — Инквизитор воспитал достойную смену...

Внезапно Алекс, словно мстя девушке за ее жестокие и страшные слова, крепко ухватил ее за талию, притянул к себе, и она ощутила его ладонь на своей заднице.

— Господин инквизитор, — зашипела она. — Это что такое?!

— Рука, — лучезарно улыбаясь девушке, ответил Алекс. — Ладонь, указательный, средний, безымянный палей и мизинец. А вот это большой.

И он погладил девушку так, что она всецело ощутила все названные пальцы, и все вместе, и каждый по отдельности.

— Что вы делаете!..

— Прекратите брыкаться. Я вас просто обнимаю.

— Да не просто!.. Вы лапаете меня!

— Спокойно. Я веду себя так, как от меня требуется.

— Что?!

— Как отец. Я веду себя как отец. Извольте и вы вести себя как моя матушка.

— Он что, лапает ее на людях?!

— Обнимает. Может даже чмокнуть в плечико, — Алекс склонился и интимно, медленно и нежно поцеловал девушку в обнаженное плечо. Клэр вздрогнула как от удара, но смолчала, прикрыв пылающее лицо веером. — У них до сих пор любовь. И чувств они не скрывают.

— Вы все врете! — прошипела Клэр. — Любовь любовью, но Его Светлейшество не похож на человека, который будет лобызаться при всех! Он далеко не юный и восторженный мальчишка, который впервые дорвался до женской задницы!

Она пыталась уязвить Алекса, намекая, что юнец, дорвавшийся до возжеленного женского тела — это именно он. Но юный инквизитор и ухом не повел.

— Много вы понимаете в моем отце, — беспечно ответил Алекс и нахально прижался губами к шейке девушки.

Клэр ахнула.

Глаза ее на миг затуманились, потому что развратник Алекс вложил в томный, долгий поцелуй все свое умение и всю свою нежную страсть, на какие только был способен.

Он выбрал самое чувствительное место, с самой тонкой, шелковистой кожей, которая почувствовала бы и дуновение ветерка, поднятого крыльями бабочки.

Его губы чуть сжали кожу на шее девушки, а язык осторожно лизнул, пробуя на вкус ее шелковую гладкость.

— Вы мерзавец, — отчетливо и яростно произнесла Клэр, хотя и не спешила поднять голову даже после того, как поцелуй закончился, и Алекс всего лишь склонялся над ней, опалая дыханием ее шею. — Вы просто пользуетесь властью!..

— А зачем она нужна, — тихо ответил он, — если ею даже воспользоваться нельзя?..

Но как бы она ни злилась, его руки, обнимающие ее, ощутили слабость ее тела, ее истому и чувственную дрожь, словно он уронил ее на постель и исцеловал всю шею, и даже забрался в глубины корсета, лаская часто вздымающуюся грудь.

— Достаточно, — выдохнула она. — Все верят, что вы это Тристан. Идемте же, хватит ласк!

— О, дорогая. Я только начал. И мне очень нравится вживаться в эту роль! Так что вам сегодня определенно придется потерпеть мое присутствие.

— О, негодяй...

— Но это же для пользы дела.

— Для пользы дела, — яростно выдохнула Клэр, — нам достаточно было б появиться тут вместе и поулыбаться людям, и все!

— Нет, дорогая, не все, — ответил Алекс не менее свирепо, чем она. — Нам надо отыграть наши роли так, чтоб даже губернатор поверил, что мы именно те, за кого себя выдаем! А это значит, что нам придется потанцевать...

— О, нет!

— О, да. Пару вальсов вы мне подарите, думаю, до того момента, как негодяев изловят.

— Изловят? А мы? То есть...

— И не мечтайте даже, — холодно ответил Алекс. — Мы с вами всего ишь приманка. И наша помощь в охоте что есть, что ее нет, когда охотятся Генрих и Его Светлейшество, мой отец.

— Его Темнейшество, — глухо произнесла Клэр, следя за кем-то в толпе.

— Что?.. — не понял Алекс.

— Его Светлейшество зачем-то надел черную корону, — пояснила она. — Вон он, в толпе. И он темен, как самый злостный грешник.

Алекс проследил взглядом за тем, на кого указала Клэр.

— Но это же Генрих, — не очень уверенно произнес он. — И почему-то в униформе прислуги...

— Да черта с два это Генрих, — грубо ответила Клэр. — У меня хорошая память на лица. Фамильные черты, конечно, налицо, простите меня на каламбур. Но у Генриха волосы длинные. Брови мягче. Взгляд ласковый и улыбка чарующая. А этот человек, хоть и очень похож на короля, смотрит так, словно сейчас зарежет. Еще расскажете о том, какой он внимательный и ласковый муж вашей матери?

— Нежный, внимательный и ласковый любовник, дорогая, — прошелестело над плечом у Клэр. — Но зачем вы интересуетесь моим мужем?.. Вам все равно ничего не перепадет. При всей своей горячности он верен мне. Верность — это самая главная черта его характера.

— Матушка! — Алекс дернулся, но вовремя спохватился и оборачиваться не стал. — Мадам Софи, за ногу вас!.. Какого дьявола вы тут делаете?! Вам же велено было дома сидеть! Это очень опасно...

— Как с матерью разговариваешь, негодник, — произнесла Софи. — Здесь же маскарад. Я оделась так, что меня никто не узнает. Просто интересно было, с кем пойдет Тристан, коль скоро мне запретил сюда приходить.

— Вон он, бродит рука об руку с Генрихом! — раздраженно бросил Алекс. — Ваша ревность не обоснована абсолютно!

— Я и не ревную, — возразила Софи.

— Да черта с два. Воздух трещит от ваших яростных взглядов, как от электричества. Но это действительно опасно. Поэтому он просил остаться вас дома.

Софи хмыкнула.

— Да уж вижу, — ответила она. — Но вы же быстро управитесь? Рэй тоже здесь. И Густав с агентами. Негодяям не уйти. У вас тут дел на пять минут, а мне что, из-за пятиминутной заварушки просидеть дома и отказать себе в удовольствии потанцевать?

— Какое легкомыслие! — ругнулся Алекс. — Черт с вами! Раз уж пришли, идите, веселитесь. Но не высовывайтесь до того момента, когда все будет кончено.

— Как скажете, мой грозный инквизитор, — со смешком ответила Софи и отошла.

Клэр всю их перепалку выслушала молча. Она проводила женщину взглядом и сглотнула, слишком шумно, что не вязалось с ее строгим образом.

— Она тоже, — выдохнула Клэр.

— Что — тоже? — спросил Алекс.

— Ваша мать, инквизитор! Она тоже... темная?!

Алекс пожал плечами.

— Она ведьма, — ответил он.

— Она не просто ведьма! Она темная герцогиня.

— Я знаю это. И что же?

— Это слишком высокий титул во Тьме.

— Отец выше нее. И что?

— Ну и семейство... — Клэр передернула плечами. — Я не имею ничего против ведьм, но она явилась сюда не танцевать. Она привлечена Тьмой. Тьма ее манит. Это может быть опасно. На вашем месте, господин инквизитор, я бы приглядела за ней. Прямо сию минуту бросьте меня тут и идите за ней. Вон она, в темно-синем платье со шлейфом. Вот та дама, в золотой маске. Я чувствую, что ее присутствие тут добром не кончится.

На миг Алексу показалось, что Клэр всеми силами старается от него избавиться. Остаться одной и ускользнуть. В голове снова некстати промелькнула старая мысль о том, что Клэр нарядилась для того одного, для мерзавца и негодяя, что поставил точку в ее жизни.

МИ ревность снова больно укусила в сердце.

Ревность и отчаяние.

«Неужто ты в самом деле готова бежать за ним?! И предать, предать всех, и даже короля, который подобрал тебя, сжалился и дал тебе все?!»

— Как вы это можете чувствовать, дорогая, — самым беспечным тоном произнес Алекс. — Вы что, наделены даром провидения?

— А это что, редкость в нашем королевстве? — фыркнула Клэр.

— Нет, не редкость, конечно, — так же беспечно ответил Алекс, рассматривая внимательно толпу разряженных гостей. — О, а вот и Густав... Но только позвольте вам напомнить, что вы-то дара лишены, не так ли? Магическим ритуалом? Так что все ваши догадки и слова — это всего лишь бред нервной женщины.

Клэр вспыхнула, сжала зубы так, что на щеках ее заходили желваки. Алекс понял, что обидел девушку, да иначе и быть не могло, при таком-то бестактном напоминании.

— Мой дар со мной, — зло процедила Клэр, проглотив обиду и взяв себя в руки.

— Как так?

— Так. Я потом покажу, если пожелаете, если вы сию минуту последуете за вашей матушкой и будете наблюдать за нею!

— Как интересно!»! А сию минуту показать нельзя?

— Нет. Это немного неудобно, — отрезала Клэр. — Ну же, решайтесь инквизитор. Эта тайна дорогого стоит. Этого не видел даже король.

— Вы скрыли от Генриха свою тайну? Как мило.

— Так что?

Клэр не стала размениваться с Алексом шутками. Ее просто трясло от нетерпения, как гончую, готовую в любой момент кинуться за дичью, и Алекс с болью в сердце подумал, что, кажется, был прав.

«Девчонка ненадежна и готова предать в любой момент. А, ч-черт! Да неужто придется всадить ей нож в сердце?! О, только не это! А что, если ее опасения насчет матери верны? — подумал он, но тут же одернул себя. — Да с какой стати?! Но вдруг?..»

Алекса просто разрывало на части.

«Как жаль, что нельзя просто раздвоиться...»

— Мне всегда казалось, что можно. По крайней мере, у нас с тобой получилось.

— Рэй! Черт. Что у вас за привычка такая, подкрадываться сзади?!

— Не оборачивайся, — шепнул Рэй на ухо Алексу. — Не привлекай внимание ко мне.

— У людей не задвоится в глазах?

— Нет. Я слегка изменил внешность. Итак?

— Нужно проследить за матерью. Мисс уверяет, что она может натворить сгоряча дел.

Рэй чуть слышно усмехнулся, и Алекс скорее угадал, чем увидел, как брат смерил Клэр оценивающим взглядом.

— Какая интересная девушка, — заметил он. — Поделишься ее вниманием?

— Нет, — отрезал Алекс. Ему случалось делить с братом случайных любовниц, устраивая пикантные, но ничего не значащие интрижки. Но не в этот раз. — Эта девушка не из тех, что можно поделить на двоих. Да она нам с тобой яйца отрежет, если мы попытаемся выкинуть что-то подобное.

— И на сходство свое не надейтесь, — заметила Клэр хладнокровно. — Вы не так уж и похожи.

Рэй снова нахально ухмыльнулся и чуть заметно поклонился.

— Исчезаю, — произнес он тоном, полным почтения. — Иду шпионить за матерью, хоть она и отвесит мне потом пару подзатыльников. Но что не сделаешь ради брата!

И Рэй растворился в толпе.

— Еще немного, и этот прием просто взорвется... — выдохнула Клэр.

Глава 17

Густав, как прирожденный охотник, обложил опасных хищников в доме со всех сторон. Его оборотни, обряженные в строгую униформу с двумя рядками светлых блестящих пуговиц, как та, что надели Генрих и Тристан, стояли у каждого входа и выхода.

Цепью рассредоточились под окнами.

Проверяли каждый отъезжающий экипаж на предмет посторонних девиц.

Переодеться в служанку и выскочить незаметно — нет, такой номер у негодяев не прошел бы.

Густав нервно потирал руки.

Его огромное сильное тело ныло в предвкушении быстрого бега, и его так и подмывало сбросить фрак и манишку, грохнуться на четвереньки, и сделать пару кругов в обличье волка вокруг особняка губернатора.

Яростно рыча и распугивая лошадей, везущих экипажи во двор.

— Не уйдешь, гнида, — шептал Густав, потирая ладони еще раз.

Сам прием его интересовал мало. Танцы, балы — чушь собачья. Густав презрительно фыркнул.

А вот Тристан, обходящий дом, заглядывающий во все темные галереи, прислушивался к музыке и ощущал внезапное желание потанцевать. Покружить в танце даму, прижимая ее к себе.

Держать в руках женское тело, у всех на виду обнимать его. Это особенно сладко, когда на женщину не имеешь никаких прав.

Тристан встряхнул головой. Что за странные мечты лезут в голову! Софи не одобрила бы даже тень такой мысли и, конечно, ревниво нахмурилась бы. Поэтому, во избежание новых нескромных желаний, Тристан свернул в зимний сад, где было тихо, а на полу лежали белые квадраты ночного света.

Тут негодай тоже может уединиться с девицей, с тем, чтоб запудрить ей мозги.

— Инквизитор?

Задумавшийся Тристан вмиг пришел в себя и обернулся на зов.

Кто это, девушка, брошенная тут мошенниками? Нечаянно заплутавшая гостья, которая попросит проводить ее до бального зала? Просительница, ищущая с ним встречи?

— Тьма, — прошелестело из полумрака зимнего сада, и вперед из-под кожистых листьев экзотических растений выступила женщина в чем-то неприметном, темном. — Сама Тьма, инквизитор. Вот и познакомиться довелось лично. Доброго вечера, мой Тристан.

— То есть, — опешил Тристан, отшатнувшись от неясной темной тени. — Сама Тьма?..

Он жадно, в горячем порыве потянулся к ней всей душой, всей магией, что была ему отпущена, и отпрянул, коснувшись и поняв, что она не лжет.

— Да, Тристан, — мелодичным голосом произнесла она, беззвучно ступая по залитому лунным светом полу. — Не смотрите... так. В вашем взгляде мне чудится разочарование. Вы привыкли, что я всемогущая сила, а я все больше и больше становлюсь похожа на человека. Еще немного, всего лишь пара капель магии и пара чужих жизней, и я стану человеком из крови и плоти. Какая ирония...

— Простите, — Тристан стушевался и поклонился, чтоб скрыть свое волнение и смущение. — Я не хотел ничем обидеть и оскорбить вас.

Тьма усмехнулась.

— Ваше второе имя — достоинство, — произнесла она, подходя ближе. — Верность и благородное достоинство. Как странно, что вы заняли его место в моем... теперь можно сказать сердце. Сердце теперь у меня есть.

Ее лица было не видно. Точнее, у нее было много лиц, и они сменяли друг друга с огромной скоростью, так, что невозможно было сосредоточиться ни на одном из них. Невозможно разглядеть черты, запомнить глаза.

— Его? — уточнил Тристан. — О ком вы говорите?

— О том, кто более ревнив и горяч, чем вы, — усмехнулась Тьма. — О том, кому я благоволила до вас. О том, кого любила и помогала. А потом появились вы... Тьму тоже легко привлечь, инквизитор, хотя она никогда не была женщиной. Просто грозная сила. Я смотрела, как ярко вы горите, тратя жизнь и юность на бесчинства и драки, не жалея ни красоты, ни крови своей, и... мне было странно и забавно, с какой горячностью вы спешите жить. Словно век ваш короток, словно вы чувствуете, что отмеряно вам мало.

— И потому вы подарили мне долгую жизнь? — уточнил Тристан. — Чтоб посмотреть подольше?

Тьма улыбнулась.

Ее губы на миг обрели четкую форму, и Тристан их запомнил — яркие, красивой формы.

— Вы взяли ее сами, Тристан. Я тут не причем, — ответила она. — Мне даже не приходилось отводить от вас опасности. Своим неистовством вы отпугивали их все, как и саму смерть.

Тристан промолчал. Только глаза его улыбнулись.

— За это вы полюбили меня? — уточнил он.

— О нет. Я поняла, что люблю, когда увидела, как с вас сползла позолота и шелуха, когда дружеские пирушки, попойки и драки остались позади. Вы направили свой буйный, неукротимый нрав в верное служение, и я пожалела, о, как я пожалела, что не мне! Люди борются с чудовищами и побеждают великанов, но редко кто из людей может совладать с самим собой. Вы смогли, Тристан. Вы победили самого сильного человека в этом мире — себя самого, не погибли и не сгорели в пьяном угаре. И были достаточно сильны и ловки, чтоб не пропустит удар коварного ножа в свое безупречное золотое сердце. Вы повзрослели, вы так повзрослели, мой белый прекрасный мальчик...

Она с тоской оглядела его.

В этот миг Тристан был не похож на себя самого, черноволосый и синеглазый. Но Тьма помнила каждую его белоснежную черту.

— Снимите черную корону, — попросила Тьма. — Я хочу посмотреть на вас, настоящего.

Тристан кротко склонил голову, и волосы его побелели.

— Да, — произнесла она после недолгой паузы. — Это все тот же Тристан. Взрослый, возмужавший. Но в нем все еще горит огонь.

Она вздохнула.

— Что ж. Я пришла не только для того, чтоб снова посмотреть на вас. Я пришла указать вам жертву. И врага. Моего врага. И вашего, Тристан. Вы же понимаете, что будет, если не станет меня?

— Не станет Тьмы — будет Мрак.

— Да. И он не станет игнорировать ни одного из ныне живущих сильных магов. Он призовет их всех. Он их всех искусит.

— Отлично. У меня дела будет больше. Всегда любил свою работу.

Тьма рассмеялась, слушая, как ершится взрослый, серьезный и опасный человек.

— Вас тоже, Тристан, — весело ответила она. — Вас — в первую очередь.

— У него нечего мне предложить, — не менее упрямо ответил он.

— Вам нет. А вашим близким? — вкрадчиво произнесла Тьма. — Сыновьям?

— Это мои дети, — ответил Тристан. — Я в них уверен.

— Супруге? Софи? — не уступала Тьма. Тристан чуть нахмурился, и Тьма качнула головой. — Она может подвести вас, Тристан. В конце концов, она лишь слабая женщина. При-

глядывайте за ней крепче. Она ведь тоже годится в жертву. Очень красивая. И дар ее один из самых сильных.

— Итак, — нетерпеливо перебил ее Тристан, — имя сегодняшней жертвы. Кого наметили негодяи?

— Сэнди Сандс. Знаете вы ее?

Тристан коротко кивнул.

— Юная графиня, — ответил он. — У негодяя недурной вкус.

— Этих жертв, самых красивых, самых обворожительных, он находит затем, чтоб сцедить их огромный магический дар и отдать мне их красоту и юность, — ответила Тьма. — Он хочет сделать мне подарок, после которого я сменю гнев на милость и снова отнесусь к нему благосклонно. Если же нет...

Она замолкла, и молчание ее было печально.

— Но вы уже все решили для себя, — уточнил Тристан.

— Ни одна, даже самая смазливая мордашка, не стоит того, чтобы оставаться с нелюбимым мужчиной. Извините, если разочаровываю вас. Но во мне уже слишком, слишком много человеческого. Я уже говорю, как женщина.

— Это ничего. Я ничего не имею против женщин. А теперь имя того, что все это затеял.

— Имя вам ничего не скажет. Вы не знаете его и никогда не пересекались. Иначе один из вас был бы уже мертв.

— Однако!

— Его когда-то звали графом Мортусом. Тогда, когда вас еще и в помине не было.

— Очень говорящее имя. Но продолжайте.

— Ритуал с воплощением в жизнь самой Тьмы — это его изобретение. Только его знания и его силы позволили изобрести этот адский ритуал. Он и раньше... приносил мне жертвы. Ах, да что скрывать, вы ведь инквизитор и знаете, что вызывая ко мне и прося силы, приносили жертвы все, кому не лень. Некроманты, негодяи всех мастей. А он просил только о праве поцеловать мою руку. Коснуться. Почувствовать тепло и трепет живой плоти. Ради этого он жил и совершенствовал свой ритуал.

— А! Начинаю понимать! — произнес Тристан. — Он захотел вас материализовать. Против вашей воли. Дело не во власти, дело в вас. Он захотел вас подчинить себе, как умирляют строптивых женщин.

— В точку, — весело ответила Тьма. — Особенно после того, как понял, что я больше не люблю его и не позволю целовать руки. Спорить с Тьмой ему не под силу. Спорить с женщиной намного удобнее и легче. Он безумно, одержимо любил меня, и так же одержимо теперь ненавидит и мечтает сломать. Его многочисленная шайка приспешников, мортусов, собирает по всему миру артефакты и сокровища. Он то пытается меня подкупить подарками, то запугивает, но...

— А вы строптивы, — с улыбкой заметил Тристан.

— Я не обучена лгать. И не умею делать того, чего не желаю, — ответила Тьма. — Ну, что ж... все слова сказаны. Я вас предупредила, и могу лишь пожелать удачи. Я ничем более не могу помочь. Не могу подсказать, где логово негодяев. Когда проходит ритуал и я становлюсь немного живее, я вижу вокруг себя только крохотное пространство, деревянный ящик или слишком узкую нишу. Ни луча света. Я действительно слаба, Тристан. Теперь, вот сейчас, вы можете уничтожить меня, пронзив своим мечом. И я не смогу вам ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.